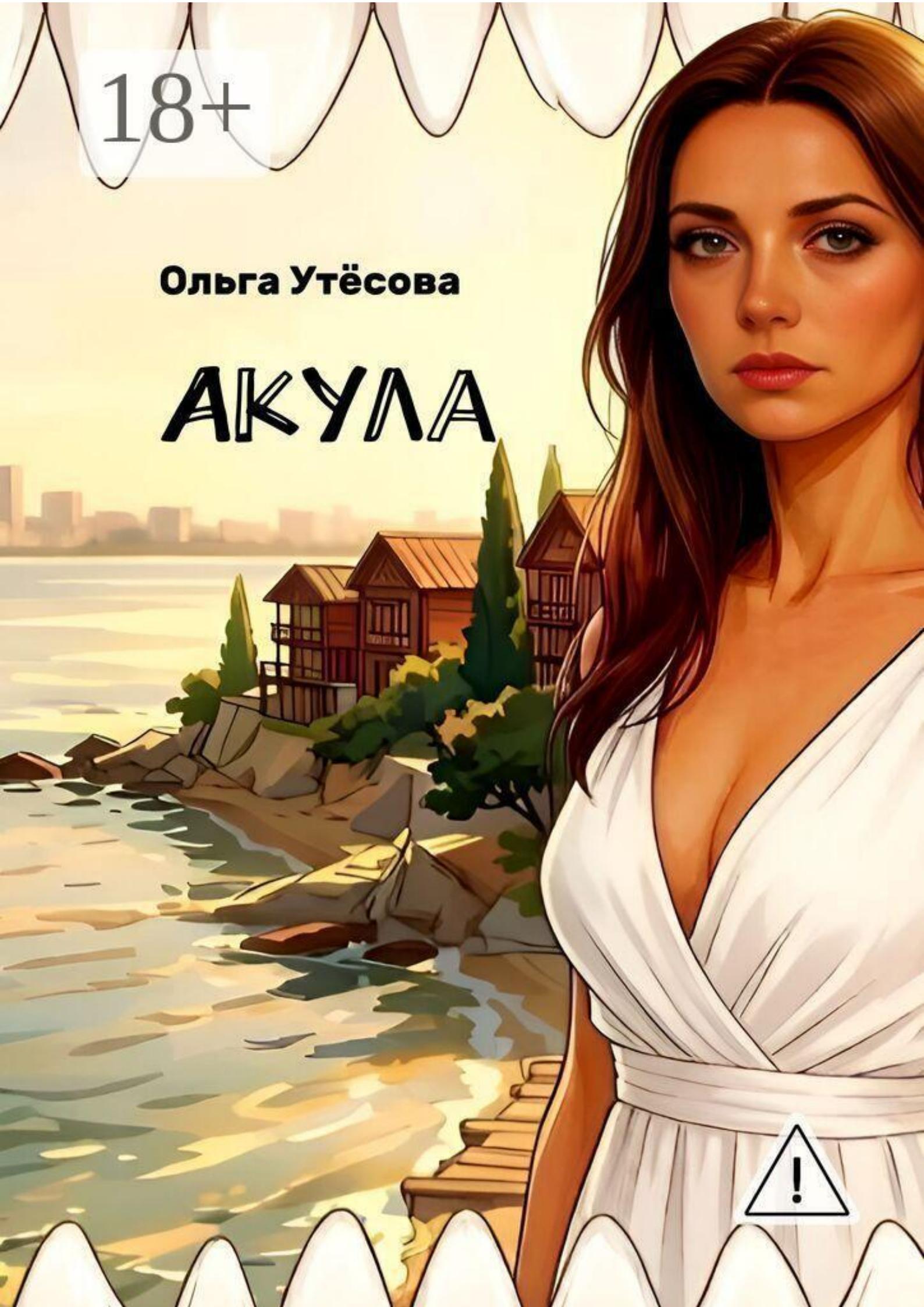

18+

Ольга Утёсова

АКУЛА

Ольга Утёсова

Акула

«Издательские решения»

Утёсова О.

Акула / О. Утёсова — «Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ**

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. У Линки всё складывается отлично: замечательный муж, двое взрослых сыновей, новый дом в элитном поселке, карьера в Министерстве. Да только в этой благополучной жизни как будто нет места для нее самой. Рутинка и стереотипы, предъявляемые обществом к женщине за 40, сжирают ее. Психанув, она мчит к морю, надеясь набраться сил. Неожиданный роман ломает её прежний мир. Катастрофа? Крах семьи и отвержение общества? Или путь к себе? Книга содержит нецензурную брань.

© Утёсова О.

© Издательские решения

Содержание

I	6
II	23
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Акула

Ольга Утёсова

© Ольга Утёсова, 2026

ISBN 978-5-0070-8052-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ольга УТЁСОВА

Роман

I

I.

Линка громко хлопнула дверью, на ходу отпихивая ногой чемодан, с трудом сдерживая себя. Бац!

Чёрт, опять! Телефон выпал из нагрудного кармана льняной рубашки! Ненавижу! На хрена делать шорты без карманов?!

«Так ты же сама повелась на такие, дескать, меньше оттопыриваться будут, типа стройнее, разве нет?»

— Иди ты! — Линка зло распахнула ворота, почувствовав, как дверь дома открылась, и он вышел. Но не обернулась, а лишь поправила сумку на плече и шагнула к чёрной Тойоте Camry.

«Ну, хоть не ржавая пузотёрка, и то вперёд!» — Линка потянулась к пассажирской двери и тут же почувствовала, как муж тронул её за локоть. Ещё взбешённая утренней ссорой, она нехотя обернулась.

Гриша, как был, так и стоял в домашних шортах, заляпанных то ли краской, то ли жиром, то ли строительной пеной. И в такой же футболке — Епифан знает, сколько ей лет! Синие полосы британского флага были изрядно потрёпаны, словно сама Британия доживала последние дни вместе с футболкой. Линка почувствовала снова этот противный укол совести приличной жены. Вот что про неё, жену, подумает таксист? Или вот, не дай Бог, выйдет сейчас Ольга Иванкова, соседка, жена известного в городе хирурга, домохозяйка, отличная, между прочим, мать и жена?! Какого чёрта нельзя переодеться?!

«Ну, вообще-то он дома. И, кстати, занимается ремонтом спальни, разве нет?»

— Бесишь! — процедила Линка себе под нос и подняла к мужу глаза.

Он сильнее пожал её локоть, потом притянул к себе за плечо, чмокнул в губы и вполголоса сказал:

— Доберёшься? Точно?

Линка опять почувствовала волну ярости, даже зубы свело. Конечно, доберусь! Ты же не можешь меня отвезти! Нет, я, конечно, всё понимаю, единственный выходной, ремонт этот долбанный, пробки, в которых ты, наверняка, прстоишь ни один час. Но всё-таки мог бы и настоять! Вообще-то жена уезжает на десять дней!

— Доберусь, — бросила вслух, пытаясь подавить досаду, а глаза предательски сползли с его лица на эту дебильную футболку. Полный абзац! Надо её выбросить, втихаря, чтоб не задавал вопросов. Всё равно сам и не вспомнит.

— Ладно, Лина. Доберёшься до аэропорта, позвони. И вообще, будь осторожна и внимательна. Башней-то почаще крути по сторонам, ага? — он быстрым движением погладил её по волосам, снова чмокнул в губы, похлопал по спине — ну, точь-в-точь также, как несколько лет назад они в последний раз отправляли в лагерь младшего сына!

— Угу, — отозвалась Линка. А так хотелось чего-то по-настоящему романтического. Блин, ну, вытащил бы он из кармана своих дурацких шорт билет на самолёт и сказал: «А я, ёклмн, еду с тобой!» — как в кино! Да она бы за это ему всё простила: толстокожесть, полное отсутствие романтики в их столетней семейной жизни, эти заляпанные шорты и прошорканную футболку с дырочками по вороту и даже короткий и редкий секс!

Тем временем муж уложил чемодан в багажник такси и в шутку сказал таксисту:

— Летите осторожно. Это очень ценный экземпляр! Да, Линка?

Она отозвалась кривой улыбкой и плюхнулась на сиденье, подбирая ноги. Муж следом распахнул дверцу и просунул голову в салон.

— Ну, давай, отдыхай! Если что, ну, денег не хватит, так звони.

— Хорошо.

— И башней-то крути, — снова повторил он, от чего Линка закатила глаза, пристёгивая ремень.

— Пока.

— Пока, — он выпрямился, захлопнул дверь и отошёл к воротам, закуривая.

Линка, больше для приличия, помахала ему рукой. Он тоже. И когда таксист нажал, наконец, на газ, почувствовала облегчение. Это натянутое прощание вызывало свербение в животе.

«Каззёл!»

«Зря ты так...»

«Иди в малину! Козёл он, вот и всё! Мог бы и подвинуться со своей работой. Опять, как дура, лечу в отпуск одна. Все люди, как люди, отдыхают вместе. А я вечно, как беспарнячая одиночка! В браке двадцать с лишним лет, а отдыха вместе по пальцам одной руки посчитать. Каззёл! Ремонт! Работа! Трындец какой-то!»

— Трындец! — машина резко затормозила, от чего Линка едва не ударилась головой в переднее сидение. Выглянув в окно, поняла, что впереди какой-то ушлый козлодёр на белой Приоре пытался проскочить не по своей полосе. Сразу несколько машин возмущённо загудели, а тот, зажатый со всех сторон разъярёнными тачками, принялся егозить на месте, не понимая, в какую ему сторону сдать, чтобы хоть немного очистить собственную карму.

— Ты что, обалдел, ерохвост несчастный?! Куда ты прёшь с покупными правами?! Ещё не хватало опоздать из-за тебя, полоумного! — она и не заметила, как открыла окно, и вся невысказанная мужу ярость вылилась на голову бедолаге.

— Гражданочка, вы бы окошко-то закрыли. А то мне из-за вас штраф совсем получать не хочется, — попросил таксист, на свою макушку.

Линка медленно, словно прицеливаясь, повернула голову, пронзив его глазами в зеркале. Однако, надо отдать должное, таксист выдержал этот зловеющий бабий взгляд и обезоруживающе улыбнулся, выкручивая полностью руль, выползая из пробки, и говоря на ходу:

— Отдыхать едете? А мужа с собой не берёте? И правильно! Зачем в Тулу со своим самоваром, ага? Накупаетесь, нажаритесь на солнышке, а потом конфеткой вернётесь! А мужик должен работать. Дом у вас загляденье! Муж — молодец! Одну, такую красавицу не боится отпускать? Да вы хорошая, сразу видно! Эт ничё, что вы того мудилу обругали. Из-за таких убогих пробки-то и случаются. Ежели бы все по правилам ездили, у-уу, дорога бы за счастье была... — похоже, Линка ненароком нажала какую-то волшебную кнопчку, которая включила режим бесперебойной речи таксиста. Больше он не замолкал, по принципу, что вижу, то пою.

Линка сперва окрысилась. Потом обхватила себя руками, уставившись в боковое окно, будто ещё мгновение — и набросится на него с кулаками. А потом его добродушная монотонная чепуха начала убаюкивать.

Но ненадолго. Потому что уже на подъезде к Больничному городку завопил телефон, и Линка, прочитав «Мама», закатила глаза и скрепя сердце потянула значок телефона в зелёную зону.

— Привет, мам.

— Привет, доча. Ну, что? Едешь?

— Ну, конечно, еду.

— А Гриша? Так и не поехал?

— Да как он поедет? Он же работает, мам?

— Всё у тебя никак у людей! Вот мы с отцом никогда поодиночке не отдыхали! Что уж не могла подгадать отпуск? Ты же — начальник отдела! Не уж не дали бы в другое время? Переживай сейчас за тебя!

— Мама...

— Смотри, мужики ведь они такие. Бабы рядом нет, и ищи потом! Гриша, конечно, мужик хороший, работающий, но...

— Да, мама, — пыталась вставить Линка, нервно ковыряя заусенец на левой руке, но мать продолжала:

— На такого ведь любая засмотрится. Будешь потом локти кусать! Я, конечно, тебя не накручиваю. Но так нельзя, дочь, — заключила свою тираду вполне добродушно мать.

Линка, уже порядком перекипевшая, понуро пялилась в окно, слушая её, не отвечая.

— Что молчишь? — слышалось раздражение в её голосе. — Обиделась? Да ты не обижайся, я ведь люблю тебя, Акулина! Переживаю. Вот сегодня всю ночь не спала, всё думала, как они там, твои мужики, без тебя почти две недели! Это тебе, видимо, всё равно, а я уже весь корвалол выпила...

— Мам, я несколько раз откладывала отпуск, чтобы подгадать под него. Больше не могу! У меня был такой напряжённый год, ну, как ты не понимаешь? — Линка начала холодно, но под конец чуть не разревелась, к собственной досаде, а потому принялась быстро моргать, пытаясь отвлечься.

— Ох, уж эта твоя работа! — о, это вообще была любимая мамина песня! И Линка, пожалев о своем вопле, скучающе швырнула телефон на сидение, уставилась в окно, вполуха слушая, как приглушённо летело из пожившего серебристого корпуса: — С твоими мозгами могла бы и что-то поспокойнее найти. К чёрту это министерство, все соки из тебя выпило! Что бы вам Гришиных денег не хватило? Сидела бы дома, внуков дожидалась. У тебя теперь дом свой, хозяйство целое, пекла бы свои тортики да жизни радовалась! На кой эта работа... Эй, алё?! Ты где? Акулина! — Линка даже вздрогнула от этого вопля и схватила телефон.

— Ну, что ещё?

— Что-то мне голос твой не нравится. Поди опять поссорились? И это перед отъездом? Господи!

Тут уже Линка не выдержала и фыркнула:

— Всё, мам, я устала! Давай. Доберусь, напишу!

— А чё писать-то? Позвони! Хоть расскажешь, как устроилась, — закудаhtала мать на том конце, явно почуяв угрозу быть отключенной.

— Посмотрим. Всё, пока! — Линка отключилась, почувствовав себя совершенно вымотанной.

В этот момент таксист что-то буркнул, Линке показалось — в поддержку. Но она нахохлилась, скрутила руки на груди и забилась в угол машины, уставившись в окно, не желая разговаривать. Таксист был вынужден замолчать. Но что-то явно его раздражало, потому что Линка, взвинченная и оттого слишком чувствительная ко всему, кожей ощущала, как он то и дело бросал на неё взгляд в зеркало.

— Что? — сдалась Линка, столкнувшись с его глазами под седыми мохнатыми бровями уголками вверх.

— Акулина? — усмехнулся таксист. — Похоже, матушка затейница у вас. И как?

Что-то еле уловимое показалось ей в этом «И как?», будто он мог хотя бы на полмизинца представить себе, каково жить с таким именем!

— Норм! — готовясь защищаться, бросила Линка, сильнее скручивая руки на груди, с вызовом уставившись на него. — Прабабку мою так звали. Мама уверена, что она дворянских кровей была. Хотя, насколько мне известно, его больше в деревнях любили.

— А откуда в деревнях про акул-то знали? — недоверчиво рассмеялся таксист.

Линка пожала плечами.

— Вообще-то с древнерусского это имя значит «солнечный луч». И акулы тут совсем не при чём! — последнее Линка бросила скороговоркой, нервно, опять съёживаясь и отворачиваясь, припомнив, как в детстве пыталась этой фразой защититься от всех, кто её дразнил.

На миг вспомнились хохочущие одноклассники, клацающие зубами и кричавшие ей в лицо: «Акула! Акула! Догони нас, Акула!» О, как она тогда злилась! А потом дома в порванных колготках на содранной в кровь коленке плакала, обвиняя мать за это дурацкое имя! И после, до чёрных мушек в глазах, стиснув зубы, зубрила уроки, чтобы утереть им всем нос и быть лучшей во всём! И вот теперь все они там, в Заболотной, спившиеся да разведённые. А она — в Зареченске, начальник отдела областного Министерства социального развития!

С этими мыслями стало заметно легче на душе, и Линка удобнее устроилась в угол машины, прижавшись лбом к прохладному стеклу, и закрыла глаза, надеясь, что таксист оставит её в покое.

На счастье, в густом галдящем потоке машин он был занят дорогой, и мчали до аэропорта в Чистых с ветерком да под яркие весёлые блики солнца в мелькавших мимо домах и витринах автосалонов. И когда слышался ни с чем несравнимый гул самолётов, вся злость и негодование окончательно рассеялись. Линка заёрзала на сидении, заглядывая на небо, пытаясь увидеть самолёты, совсем как в детстве, а внутри снова задрезбужало что-то знакомое, радостное, что обычно просыпается от предчувствия долгой дороги, манящей приключениями. Это что-то сперва слабо мякнуло: «Отпуск!», а потом завопило, заликовало внутри неё, где-то в самом животе: «Отпуск! Я еду в отпуск! Господи, я в самом деле еду в отпуск!»

2.

Но ликование от предчувствия дороги неумолимо сменяется разбитостью и усталостью. А ведь Линка была уверена, что всё правильно рассчитала, когда, побрезговав добираться на поезде, с квартальной премии забронировала себе билетик на самолёт туда и обратно, наивно убеждая себя: подумаешь, два часа перелёта! Подумаешь, что потом до отеля на «Ласточке» ещё пикировать и пикировать! Зато уже на юге! У самого синего моря!

Она нарочно взяла билет у окна и всю дорогу наслаждалась полётом. Даже несмотря на то, что в «Победе» расстояния между креслами узёхонькие. Даже несмотря на оглушительный всепроникающий голос Губерниева, который потом ещё по прилёту долго стоит в ушах, будто тебя во время двухчасового нахождения в салоне зомбировали. Да даже несмотря на вопящих где-то сзади детей и потного менеджера по соседству в тёмно-бордовом костюме и остроносых ботинках! Наверное, всё-таки её имя правильнее переводить с римского «орлица». Ну, иначе как ещё объяснить её любовь к дальним расстояниям и дикий восторг от вида белых густых облаков, ползущих над землёй?

Самое утомительное началось потом, после перелёта. Казалось бы, она всё продумала и рассчитала, даром что ли начальник отдела! Во-первых, отдыхать в Сочах она не собиралась — то ещё прибежище бегущих на юг россиян! Даже с её квартальной премией и отпускными потянуть сочинские развлечения — утопия. Да и не любительница она всех этих парков, аттракционов, зрелищ. Линка выросла из этих штанишек вместе со своими сыновьями. Теперь, и это было во-вторых, будучи зрелой дамой, её тянуло к природе, к естественным красотам, и лучше где-нибудь в тиши, где поменьше людей, особенно земляков с их северным говором, суетой, нацеленной на то, чтобы урвать по максимуму удовольствий и развлечений, продиктованных одним мотивом: ведь когда ещё удастся вырваться?! Поэтому целенаправленно искала какой-нибудь крошечный, затерянный на черноморском побережье курорт, чтобы поменьше яркой рекламы и развлекаловки — гарантия того, что там не будет многочисленной публики. Может возникнуть вопрос: а как же Турция или Египет? Но после начала СВО и терактов на Крымском мосту лететь за границу Линка не решилась. Не-не-не, от греха подальше!

Так вот, подходящий вариант всё-таки нашёлся. С весьма неоднозначным названием — Золотая Щель. Разные, конечно, ассоциации вызывает, даже почему-то неприличные, но по описанию как раз то, что нужно: крошечный курортный посёлок, буквально в несколько домов, длинная полоска естественного пляжа, покрытого чудной мелкой плоской белой галькой — как рассказал ей интернет. И главное — никаких навязчивых развлечений! (Ну, киоски с продажей

экскурсий не в счёт). Предвижу ворчание снобов: дескать, фу, отстой, мини-помойка на море и т. д. и т. п. Но давайте взглянем на это под другим соусом. Минимум наплыва туристов, так что не надо, как припадной, нестись с утра на пляж, чтобы застолбить себе пятачок, где можно будет позагорать — один. Очень сносные номера со всеми удобствами за трезвые деньги — два. Как уже было сказано, отсутствие навязчивых аттракционов и развлечений, а значит, криков, несчастных случаев, ненормальных — три. Из любой точки посёлка до моря — рукой подать — четыре! В общем, ворчите себе на здоровье, но Линка остановила свой выбор на ней, Щели, хе-хе.

Как и до всех курортов Чёрного моря от аэропорта нужно ещё добраться. Почитав отзывы, Линка попиликала на электричке. Правда, на первую «Ласточку» она опоздала, потому что её сраный чемодан где-то застрял. Психуя, она пробегала между багажными лентами, пытаясь себя поддержать тем, что хотя бы не стала заранее покупать билет на электричку, на которой все нормальные люди с её рейса и отчалили.

Ну, а потом, потная и раздражённая, наконец, загрузилась в вагон скорого поезда «Ласточка», устроившись между двумя мужчинами. Один, в деловом костюме, ехал у окна, без конца что-то листая в телефоне. Второй сидел слева, в футболке и шортах, из которых торчали волосатые руки и ноги в резиновых сланцах. Он тоже тупо смотрел в телефон и постоянно вырубался, от чего его локоть соскальзывал, мужик вздрагивал и просыпался, осовело глядя по сторонам.

Линка сидела между ними, не смея даже подумать про сон, боясь, что, если её всё-таки сморит, то, как говаривал муж, даст храпу. А этого допустить уж точно было нельзя! И так она ехала, зажата с двух сторон какими-то левыми мужиками почти два часа, и думала, робко вытягивая затёкшие ноги то влево, то вправо: какого чёрта?! Какого чёрта, изрядно переплатив за самолёт, она что в небе, что теперь была безбожно зажата с двух сторон чужими мужиками, которым совершенно пофиг, каково ей дышится между ними?! Неужели в XXI веке нельзя пустить из Зареченска до Краснодара суперскоростной поезд, способный преодолеть это расстояние не за двое суток и двенадцать часов, а хотя бы за сутки?! Почему таким, как она, среднестатистическим гражданам нашей огромной и необъятной, весь год батрачившим на износ, планируя законный отпуск, неизбежно приходится выбирать не из соображений комфорта, а из двух зол: либо сидя впрытик друг к другу, но — за три часа, либо с возможностью растянуться на персональном койко-месте с привилегией пилиться в грязное стекло, но — почти трое суток?! И когда в очередной раз сосед слева во сне локтем поджал её к соседу справа, Линка всерьёз подумала о том, что на поезде было бы точно легче. Лежала бы сейчас себе на своём собственном лежачем местечке, попивала бы кофеёк из термоса, жевала бы какой-нибудь пирожок с мясом, листая журнальчики, и чхать было бы ей, кто там шастает по коридору, увидят ли её в спортинках и кроссовках! А тут, меж двух мужиков, честно сказать, даже потеть было стрёмно, а ведь духота стояла страшная!

И поглядывая искоса на одного, в деловом костюме, отметила, что он был среднего возраста, наверное, как её собственный муж. И судя по тому, что из вещей у него был только кейс, Линке стало жаль его. Скорее всего, он так каждый день мотался из Сочи в какой-нибудь пригород. А может, и в сам Краснодар? И второй, постоянно всхрапывавший и сползавший с подлокотника локтем, тоже был Линкин ровесник. Судя по его измотанному виду и отсутствию багажа, он тоже был из местных и ехал на «Ласточке» всё равно, что зареченцы по Зареченску ездят на работу в электробусе. И поглядывая на своих измученных дорогой сверстников, Линка сочувственно поморщилась. Да, мальчики, потрепало вас времечко!

Электричка-волокуша и бесчисленное количество галдящих детей, собак, ворчливых жён и потных чужих мужей — это надо было просто пережить. И созерцая из-под затемнённых стёкол своих очков в дорожной оправе суету на очередной стоянке, Линка лелеяла одну единственную мысль. Вот женский голос объявит: «Золотая Щель», «Ласточка» остановится

— и никто не двинется к выходу! Она же одна, как королева, грациозно поднимется, перекинет через плечо соломенную сумку, изящно выкатит свой розовенький чемоданчик за длинную хромированную ручку и выйдет — без суеты и толкотни — на совершенно пустой перрон, где её будет звать и манить необитаемый пляж! А все эти людишки с орущими детьми, твякающими из обосанных переносок собаками, мужики в потных майках, чуть получше, чем у Линкиного мужа, унесутся вдаль в красных вагончиках к какому-нибудь другому Чёрному морю — ту-ту-ту!

И вот электронный голос объявил станцию «Сельская», предупредив, что следующая — «Золотая Щель». Верная своему мысленному плану, Линка не шелохнулась, лишь не спеша сунула Гарсия Маркеса в сумку, убрала бируши и устремила взор к морю. Её приключение должно начаться незабываемо. Два года! Два утомительных года она не могла себе позволить отправиться в отпуск. А всё муж со своей бесконечной стройкой! Ну, вот теперь-то она оторвётся. Для начала выспится. Потом, по плану, съездит на какие-нибудь экскурсии, в дикие места. Обязательно продегустирует местные вина, как же без этого? А ещё — не забыть — вдоволь наестся раками и мидиями! И, если повезёт, найти какую-нибудь клёвую кондитерскую и пополнить свою коллекцию вкусов. Ну, и, конечно, прекрасное закатное безлюдное море...

И ликовала, когда «Ласточка» остановилась, на табличке РЖД промелькнула надпись «Золотая Щель», повторённая на английском, — и никто, кроме неё, не пошёл к выходу! Верная своему плану, она виртуозно выкатила чемодан и устремилась к дверям, где уже расторопный проводник откинул подножку.

— Щель? Ха-ха-ха! Какая-то половая Щель! — заржал кто-то ей вслед, от чего Линка в бешенстве обернулась, чтобы увидеть этого недоумка. И не заметив планку, скреплявшую покрытие на полу, запнулась высоченной пробковой платформой босоножек, едва не рухнув прямо под ноги дожидавшегося только её проводника!

К счастью, он успел схватить её за локоть, так что Линка совершенно беспомощно повисла на его руках, подвернув ногу. И ей показалось, что тот придурок с половой щелью вместо головы заржал ещё громче.

— Осторожнее! — дежурно отозвался тем временем проводник, помогая Линке выпрямиться.

Вот так весь кайф может обломать какой-то чёртов идиот!

3.

Крошечная станция встретила её тремя железнодорожными линиями, между которыми стояли довольно убогие таблички с названием посёлка. Сразу за крайней мерцало и переливалось в лучах июльского раскалённого солнца море — совершенно ровная широкая лента без начала и конца! Сзади — каменная лестница в два пролёта, ведущая к одноэтажному зданию собственно станции с проёмами, венчавшимися полуарочными окнами и пятью парами тонких белых колонн. В целом, свежо покрашенная станция, утопавшая в зелени кустов, кипарисов и елей даже показалась миленькой. Здесь Линка решила сесть в первое такси, чтобы как можно быстрее добраться до отеля.

Посёлок и, правда, оказался крошечным, а потому дорога не заняла и пяти минут. Старая белая «Волга» залихватски промчала по какой-то узкой, утонувшей в зелени улочке, сползла с горы от Главной, где слева и справа мощёной дороги выстроились отели и гостевые дома. Линка снова заёрзала, выглядывая в грязное окно, пытаясь определить, в какой стороне окажется её прибежище на ближайшие десять дней, радуясь огромным окнам, кованым перилам, лепным балкончикам, из-за которых маняще колыхались лёгкие занавески. И посреди всего этого великолепия — такого невероятного цвета южное небо — синеокое, высоченное!

— Я вас тут высажу. Там не проехать. Немного ножками пройдёте, — сказал таксист, и Линка, замечтавшаяся, не сразу поняла, о чём он. А когда поняла, что «Волга» стоит, а водитель протягивает руку за оплатой, сообразила, что прибыли-с.

— Э, и куда мне?

— Вон ваша гостиница. Метров десять. Тут нельзя стоять.

Линка выглянула в окно в направлении его руки, и прошептала:

— Ёклмн!.. Что это?

На широкой площадке, там, куда указывал таксист, стояли сразу три гигантских автобуса, из которых, точно муравьи, одновременно выползали и выползали люди с сумками, чемоданами, рюкзаками, с надувными подушками на шеях, надутыми фламинго и ещё бог знает какой дрянью! Их было так много, что Линке показалось, что она в миг очутилась на Дне города Зареченска, на Площади Победы, где, куда бы ты ни повернулся, везде знакомые рожи!

— Это точно мой отель? Откуда они? — у Линки даже голос осип от шока.

— Эти? Так с Урала, турфирма возит автобусами каждую неделю. Вон сколько приехало! Весело будет, да? — и он широко улыбнулся, быстро отсчитав ей сдачу с тысячи. — Кажется, вон тот, крайний, ваш. Тоже из Зареченска!

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ!.. — выдохнула Линка и с опаской открыла старую с рыжиками дверь «Волги».

На территории гостиничного комплекса «У Розы» главное было не запнуться о чёртовы сумки и чемоданы прибывших сограждан нашей Родины. Когда Линка поняла, что ей туда же, куда и доброй половине всех, кто вывалился из автобусов, в животе тоскливо закрутило. Ей хотелось прошмыгнуть быстрее к ресепшену, чтобы не толпиться со всей этой оравой, расплзшейся в ожидании размещения по садику, окружившему бронзовый с патиной не работающий фонтан. Но прошмыгнуть не получилось, так как, фиг знает как, те, кто ещё минут пятнадцать назад выковыривали свои чемоданы из багажника автобуса, оказались быстрее её на ресепшене.

Заняв очередь, Линка демонстративно отошла в тенёк, надвинув сильнее шляпу на глаза, не имея ни малейшего желания заводить разговоры и знакомства. Особенно с этими, кто так беспардонно нарушил все её мечты об идиллическом уединённом отдыхе. Провались ты, Золотая Щель! Когда вокруг запищали утомлённые жарой и ожиданием дети, заворчали толстые тётки, загоготали чьи-то пузатые мужики, у Линки случилось дежавю. Ей показалось, что весь Зареченск с ней прибыл сюда сперва на самолёте, потом на «Ласточке», и похоже разместится с ней в одном корпусе. Мамочка!

Поэтому, когда Линка поднялась, наконец, на второй этаж трёхэтажного с мансардой корпуса, вкатила свой чемодан и захлопнула дверь номера, у неё возникло одно единственное желание: не высовываться отсюда ни при каких обстоятельствах!

Распластавшись по кровати, стянув с себя шляпу и сбросив босоножки, из-за которых она давеча едва не расшиблась, долго так лежала, оглядывая номер. И сквозь испорченное настроение вынуждена была признать — он был хорош: высокие прямые потолки, а не мансарда, смотрелись роскошно, широкая кровать во всю стену с приличным матрасом, застеленная шоколадным плотным покрывалом и такого же оттенка тяжёлые шторы по краям большого окна с балконной дверью, завешенного полупрозрачным белым тюлем. Сквозь него комната вся была залита солнцем, так что цветы на обоях, чем-то похожие на мазки импрессионистов, казались ярче, а в самом номере царили тепло и нега. Здесь хотелось снять с себя всё и лежать совершенно голой, купаясь в лучах солнца, прогреть свои косточки перед долгой уральской зимой. Но самое главное — что Линка поняла не сразу — не было слышно голосов! А когда поймала себя на этом, даже приподнялась, прислушиваясь, и в блаженстве упала вновь. Установившаяся тишина внушала ей сладкую мысль, что никто её не тронет, и располагала забыть обо всём и просто отдохнуть!

4.

Проспав около трёх часов, Линка проснулась. Вернее, её разбудил собственный организм, который требовал еды. Выцарапав из бокового кармана чемодана памятку для гостя,

выданную при заселении, Линка несколько секунд тупо смотрела в график работы местной столовой. Выползть из номера не хотелось, но возможности заказать еду в номер отель не предлагал, при этом живот предательски мяукнул, когда взгляд зацепился за фразу в конце памятки: *«Домашние блинчики и оладушки ждут вас каждое утро!»*

Гостиничный комплекс оказался даже больше, чем Линка могла себе представить днём, во время заселения. Три корпуса, в том числе Линкин, теперь погружённых в сумерки и по периметру подсвечиваемых фонарями, объединялись площадкой, выложенной серой плиткой, в центре которой бездействовал бронзовый фонтан. От них мимо веранды, увитой зеленью, шёл проход к следующим корпусам и ещё большей площадке, на которой разместились столики для тех, кто не желал есть в душной столовой. Справа от столиков оказался приличных размеров бассейн, вокруг которого стояли пластиковые шезлонги. Слева — второй бассейн, детский, где, несмотря на время, ещё продолжали барахтаться малыши, визжа и брызжа друг в друга водой.

Миновав столики, Линка вошла сквозь широкие деревянные со стеклом двери в столовую, отметив, что определение явно соответствовало действительности. Гигантских размеров зал с бесчисленным количеством столов и лавок был уже безлюден. Интерьерчик оказался с претензией: высокие окна почти до пола, плотные расписанные золочёными вензелями замызганные портьеры карамельного оттенка, чудные натюрморты на некоторых стенах без какого-либо единого стиля. Довольно убитого вида раздача встретила Линку остатками еды и недовольным темнооком взглядом кучерявой девушки с чёрной косой у кассы. Оглядев всё, что оставила орава голодных гостей, Линка вынуждена была согласиться на порцию омлета, вишнёвый компот и холодные блинчики со сметаной.

Подхватив поднос, решила тоже выйти на воздух. Здесь на огромной площадке всю орава «Малиновая Лада», и несколько явно пьяных тел извивались, потряхивая голыми пивными животами, задрав руки кверху. Проходя мимо них, у Линки мелькнула мысль скрыться с ужином в номере, но стоило ей только об этом подумать, как девушка с косой выскочила из столовки и закричала:

— Эй, женщина, посуду в номер не уносим!

Линку передёрнуло. Ей показалось, что все постояльцы отеля обернулись к ней на это беспардонное обращение. Почему-то это «женщина» всегда вызывало в ней какой-то секундный паралич. Примерно лет этак пять назад впервые к ней так обратились. Тогда она ощутила разом столько негативных эмоций, что и не передать. Это и совершенно необъяснимое возмущение, и обида, и уныние, и даже какой-то стыд, что захотелось сразу развернуться и покинуть то место, где её — так! — оскорбили. И это странно, снова задумалась она, выискивая глазами столик подальше от танцующих и вообще подальше от всех. Ведь словечко это всего лишь указывало на её половую принадлежность. Но почему-то после «девушки», когда тебя так называют большую часть твоей жизни, слово «женщина» звучит как приговор. Так и хочется прильнуть к зеркалу — ну, где?! Где, чёрт возьми, эти признаки, по которым окружающие так смело позволяют себе ещё вчерашнюю «девушку» назвать «женщиной»?! Когда она успела обабиться, что какая-то сикавка назвала её этим мерзким словечком? Ну, почему бы нам уже, наконец, не изобрести что-нибудь менее оскорбительное? Ну, сударыня, например, там мадам, хотя бы! Хотя «мадам» тоже изрядно пахнет нафталином.

За этими раздирающими размышлениями Линка устроилась за самым дальним столиком под коричневым зонтиком с рекламой какого-то пива, что стоял ближе к проходу у импровизированного цветника в виде расставленных горшков с цветущей пеларгонией разных оттенков, между которыми пряталась гипсовая статуэтка девушки с веером, выкрашенная под бронзу. Рядом справа верещали дети, плескаясь в бассейне, и Линка всеми силами старалась туда не смотреть, пытаясь абстрагироваться и не замечать, как на неё периодически попадали капли воды. Слева тоже была знатная тусовка: сразу несколько молодых парней и девушек, держась

за руки, прыгали на счёт «три» во взрослый бассейн, от чего вода выходила из берегов и растекалась по площадке, смешиваясь с уличным песком с обуви. И теперь эта жижа на полу весело поблёскивала в свете вечерней иллюминации и противно хлюпала, когда кто-то проходил мимо Линки, шлёпая резиновыми тапками.

Она нашла выход, как в этой ситуации спокойно, без вреда для собственной психики поужинать. Усевшись к цветнику лицом, подмигнув псевдобронзовой девушке с веером, достала телефон и в два клика раскрыла нужную страницу «Сто лет одиночества» в читалке на Литрес, подумав о том, что правильно сделала, не взяв с собой бумажную книгу: света явно не хватало, да и не хотелось её таскать или испачкать. Омлет оказался вполне сносным, а ровные строчки текста под брызги из бассейна и духота южного вечера быстро унесли Линку в жаркий Макондо к колумбийским страстям.

— Ой, пардончики! — что-то больно ударило её в плечо, так что стул вместе с ней со скрипом сдвинулся в сторону, и к ещё большей досаде ярко-красный вишнёвый компот выплеснулся на телефон и рубашку.

— Чёрт подери! — взвизгнула Линка, и тут же горячая мужская голова с колючей щетиной прижалась к её локтю, отчего она с отвращением отпрянула в сторону.

— Ха-ха-ха, Санёк! Осторожнее, так ведь и зашибёшь кого-нибудь! — тут же громко и безудержно захохотал высокий женский голос, и коренастая женщина в одних синих плавках с висящими по целлюлитным бокам шнурками с бусинками, короткой белой рубаше и шляпе обхватила пьяного мужика, запнувшегося об Линкин стул, помогая ему обрести вертикальное положение.

Не желая опускаться до конфликта, Линка быстро одёрнула рубашку и сильнее сдвинулась почти к самой пеларгонии, с досадой подумав, что она и так никому не мешала, а парочка была просто пьяна.

— Девушка, милая, прекрасная, простите великодушно! — тем временем запричитал мужик, пытаясь обнять её за плечи и чмокнуть в висок. — Я вас нечаянно ударил! Простите!

Линка снова отпрянула, пытаясь отделаться от его объятий, и лишь, стараясь подавить растущее раздражение, бормотала:

— Да всё, всё, я поняла, что вы не нарочно... Я в порядке.

Он продолжал извиняться, а его тётка хватала его за локоть и пыталась оттащить, говоря:

— Да, что ты привязался? Не видишь, человек отдыхает!

— Да где же отдыхает? Ты посмотри, Танчик, одна одинёшенька скучает! — и снова лез к Линке обниматься, хлопал её по руке, предлагая угостить пивом и приглашая присоединиться к ним.

Тут уже Линка не выдержала и вскочила, намереваясь уйти, так и не добравшись до блинчиков. Но, честно говоря, холодные да под соусом этой пьяной компании они совсем не вызывали аппетита. Схватив свою сумку и телефон, она натянуто улыбнулась мужику и бросила:

— Нет-нет, я совсем не скучаю! Давайте всё забудем. Я пойду, — и она уже попыталась пролезть между столиком и волосатым пузом мужика в одних плавках, как вдруг тётка схватила её за руку и воскликнула:

— Акула?! Это ты, что ли? Блин, вот так встреча! Нет, это точно ты?!

Линка ошарашенно вскинула на неё глаза и только сейчас, вынырнув из-под навеса зонтика, разглядела Таньку Югову, однокурсницу. И-и-ибица! Остров, мать твою, счастья!

— Эээээ... Таня?..

5.

В следующие несколько часов Линка оказалась в плену у этой парочки. Танька никогда не отличалась деликатностью, а потому совсем не замечала жалких попыток Линки уйти. Она обнимала её, то и дело хватая за шею, чмокала то в лоб, то в щёку, то в висок — куда попадёт — и постоянно многозначительно спрашивала:

— А помнишь? — и пускалась транслировать все накопившиеся за годы жизни после студенчества сплетни. И Линка всё удивлялась, как у неё это получалось — со всеми поддерживать связь и всё про всех знать, хотя и закрадывались подозрения, что местами безбожно привирала.

Они развалились на качели с пивом и сухариками в дальней части отеля, где слышно было музыку, но не было видно ни купающихся, ни танцующих, и на что Танька, к Линкиному недоумению, заявила: «Здесь клёво, нет этих пьяных рож!»

Санёк, оказавшийся её третьим мужем, лежал на притащенном сюда старом шезлонге, на столько старом, что некогда белый пластик кое-где был просто чёрным от грязи и рук. И скользя по этому отпечатку времени взглядом, Линка с тоской подумала, что она редкая кретинка, раз понадеялась на уединённый отдых, выбрав это место.

Санёк в очередной раз сгонял за пивом. Галантно, несмотря на пьяную походку, поднёс пол-литровый стакан жене и такой же Линке, блеснув под фонарём жидкими волосами, из которых проглядывала светлая кожа головы. Похлопав себя по вывалившемуся волосатому животу рукой, он снова развалился на шезлонге, нисколько не смущаясь тонкой полоски тёмно-синих плавок, которая обвисшей грушей прикрывала его гениталии. И вытянув шерстяные ноги в мокрых скрипучих тапках с плешивым значком «Nike», присосался к бутылке с пивом.

— Санёк, завтра головка будет боба, — со смехом сказала Танька и тоже присосалась к своему стакану. Муженёк её согласно кивнул и с блаженством потёр пузо. А Танька тем временем встряхнула рыжей выющейся гривой и спросила, как бы между прочим: — А ты что, Линка? Где твой Акулов? Только не говори, что разбежались!

Линка даже сама удивилась, как стало на душе тепло при упоминании о муже. И снова взглянув на лежавшего рядом чужого мужика, подумала, что её Акулов даже в свои сорок с хвостиком выглядит ещё ого-го. А вслух сказала:

— Нет, живём. Старший Петя из армии вернулся. На Моторный завод устроился. Младший в универ поступил, на робототехнику, — и от гордости за мальчиков захотелось выпить.

— Вот это да! — отозвалась Танька и от души похлопала её по голой коленке. — А я знала! Мы же с девками всё спорили, разбежитесь вы или нет? Уж больно быстро вы поженились. И что? Ни разу ни-ни? — она многозначительно прищурилась, пытаясь залезть Линке в душу. И так как та покачала головой, Танька выпучила свои и без того огромные глаза из-за поплывшей туши и воскликнула: — Охренеть! Слышишь, Санёк! И такое бывает! Это ж сколько лет? Двадцать? Двадцать два?! И всё вместе?! Вот ты Акула! Вцепилась и не отпущу, да? Респект! — и она захохотала, качая головой, не сводя с Линки восхищённых глаз. А потом кивнула в сторону Саньки и отчиталась: — А мы с Саньком на двоих четыре развода пережили, да, дорогой? Два моих прежних козлами оказались. У него тоже — сучки редкие! Зато теперь у нас на двоих семеро детей! — и она снова захохотала, а Санёк почему-то поморщился. Тем временем Танька снова обняла Линку и чмокнула в висок. — Молодцы! Живите! А чё муж-то? В номере? Позови его! Так хочу на твоего Акулова посмотреть! — и она заёрзала на месте, подгоняя. — Ну, позвони ему! Пусть спускается! Потусим! Ему с моим пупсиком будет весело! Должны же мальчишки отдохнуть!

Линка только усмехнулась, взглянув на Танькиного «пупсика» и сказала, почувствовав, как вновь внутри пробуждается вся буря обиды на мужа:

— Нет, он не поехал. Я тут одна.

— Что-о-о?! — Танька так это протянула, что Линка почувствовала себя особенно униженно и снова сделала крупный глоток пива. — Ну, Акулов! Ну, мудака! Такую красотку одну на курорт отпустил?! Я бы на твоём месте, Акула, нарочно роман завязала! Чтобы знал, казёл, как жену одну отпускать!

— Ээээ, ишь ты! — вставил было возмущённо её мужик, оторвавшись от бутылки, но Танька только демонстративно уперла руку в бок и, смерив его взглядом, заявила:

— Да, да, даже не думай! Со мной не поедешь, я скучать точно не стану! Так что мотай на ус, Санёк!

— Я тебя одну и не отпущу. Такую проשמандовку, как ты, только на привязи держать, — и он заржал, и Танька даже громче его.

Линка вертела в руке пластиковый стакан наполовину пустой и думала о том, что она делает, чёрт возьми, в этой компании?! Почему бы просто не уйти?

— А я, кстати, не понял, почему Акула? — вдруг опомнился Санёк и пьяными глазами уставился на Линку.

Ей стало почему-то неловко его хмельного взгляда, и она быстро поправила рубашку на груди. В это время Танька громко, как она умела, расхохоталась и снова чмокнула Линку в щёку.

— Ой, да это у нас с универа! Она была такая шкодная, тощая, волосы ещё такие кудрявые и голосок, ну, точно у ребёнка! Да ещё и звать Акулина! — Танька снова расхохоталась, и Линка вынуждена была поддержать её смехом, хотя на самом деле вспоминать это не любила. — А потом ещё и замуж раньше всех выскочила! За Акулова! — и Танька ещё громче захохотала, будто это был самый смешной анекдот на её памяти. — Акулина Акулова! Ну, ведь умора! Вот ведь нарочно не придумаешь, а?!

Муженёк её тоже хохотал, отчего пару раз промахнулся бутылкой и немного пива пролил на живот, и в жарком воздухе завоняло ядрёной смесью пива и мужского пота.

— А мы её за глаза называли Беззубая Акула, — продолжала Танька, обнимая Линку, будто боялась, что та может сбежать. — Потому что, говорю, тощая, маленькая, голосок, как у школьницы. Но училась — ё-моё! Всех нас делала на семинарах, да, Акула?

Линка только усмехнулась, вспомнив, как её за это не любили.

— Один раз, прикинь, у нас препод поменялся прямо посреди семестра. И пришёл такой говнистый, ну, сразу видно, пидор, — Танька раздухарилась, размахивала руками, в одной из которых болтались остатки пива на дне стакана. — Пришёл к нам и заявил, что, дескать, кто на семинарах «от» и «до» отработает, поставит автоматы. А кто будет отсиживаться, сушите вёсла, будете экзамен сдавать! Ну, короче, мы в панике. К семинарам же готовиться надо! А нам больно охота? А тут пришлось. Экзамен-то хреновый, восемьдесят билетов учить — жуть! И короче, что мы сделали? — Танька прищурилась, виновато поглядев на Линку, которая лишь скромно попивала пиво, прекрасно помня ту историю. — Мы пришли пораньше в аудиторию, притащили цветной мел, вымыли доску и написали огромными буквами «Попов forever», ну, это фамилия его, а ниже красным мелом: «Акуловой слова не давали!» — и она пакостливо рассмеялась, поглядывая на Линку. — Суки мы, да?

Линка согласно кивнула и улыбнулась.

— Да.

— И чё? — мужик её явно не понял ничего, снова погладив пузо.

— Да чё? Этот урод нас завалил вопросами! — возмутилась Танька, допив остатки пива и сунула пустой стакан мужу под нос. — А Акула молчит. Я смотрю на неё, а она уселась на крайний ряд и молчит. Я психую! Думаю, вот сейчас завалим семинар, всем не поздоровится. Всем этот херов экзамен придётся сдавать. А она, сучка, молчит! Я вижу, препод уже красными пятнами пошёл, очки трёт, ходит вдоль доски туда-сюда, и типа надпись нашу не видит. А чё молчала-то? — и Танька искоса поглядела на Линку.

Линка пожала плечами.

— Так вы же сами мне рот заткнули. Я и думаю, чёрт с вами, отдувайтесь. А завалите, так мне не проблема экзамен сдать!

— Ты умная, да? — это Санёк влез, скидывая ноги с шезлонга и с трудом отрывая пьяный зад.

— Да так, — пожала плечами Линка и улыбнулась Таньке. — Но я же в конце концов ваши жопы спасла? Подняла руку.

— Да уж! — усмехнулась Танька и расхохоталась. — Вот стерва, думаю, опять готова! А этот козёл, помнишь, как воспрял? Глазами на тебя захопал, заулыбался. А потом, помнишь, чё зарядил?

— Не очень, а что?

— Так он после семинара встал за трибуну и выдал: вот, послушайте, что говорит этот умнейший человек!

— Так, бля, и сказал? — заржал Санёк, ища под шезлонгом ногой тапок.

— Да! — Танька хлопнула Линку по спине, так что она чуть не опрокинула на себя пиво, и тоже загоготала. — Умнейший, блин, человек! Только благодаря тебе и получили те тройбосы. Пришлось с этим согласиться!

6.

Её разбудил непонятный звук, и в первую секунду показалось, что это гудел триммер, возможно, Сергей Иванович, сосед, завёл свою шарманку, чтобы поравнять газон.

Какой Сергей Иванович?! Она ж на море!

Это осознание пришло с каким-то запозданием, а само пробуждение далось мучительно. Голова болела — не передать! А гудел, как оказалось, телефон. Стащив его с тумбочки, Линка прочитала: «ГРИША МУЖ» — и вскочила. О, чёрт, нельзя, чтобы он заподозрил, что она вчера до свинского состояния напилась, хоть и не по своей вине! Опять потом полгода будет её подкалывать!

— Алё. Привет, — постаралась Линка придать голосу вполне естественный тембр.

— Привет, привет, Лин. Ну, как дела? Как устроилась? Чё вчера не позвонила? Я же переживаю.

— Да так, уснула с дороги, потом пошла на ужин, да уже поздно было... Ещё эта разница во времени, — пыталась оправдаться, хотя в душе давно созрел план не звонить самой.

— А, ну ясно. Ну, как там? На море-то ходила? Как пляж? Народу нет?

Линка не удержалась и заржала, грустно и обиженно.

— Ага! Прикинь, сюда каждую неделю возят туристов из Зареченска!

— Да ну? — было слышно, как муж на том конце провода захохотал. — Ну, ладно, зато все свои!

— Издеваешься?

— Ну, да, чё нет-то? — и он снова рассмеялся, по-доброму, слегка подтрунивая. — Ну, эта, съезди куда-нибудь. Не торчи в отеле-то. А то я тебя знаю, будешь опять от людей прятаться. Ладно хоть комп дома оставила. В номере-то как? Всего хватает?

— Тебя не хватает. Секса хочу, а тебя нет! — вырвалось у неё, и что-то так предательски защекотало внизу! После вчерашнего вечера в компании Таньки и её муженька, когда они под конец в наглую принялись сосаться у неё перед носом, Линка со всей остротой почувствовала себя брошенкой.

— Ну, Лина, — было слышно, как Гриша замылся от неловкости, и Линка, опомнившись, нахмурилась, подумав, а вдруг он в машине с сыновьями и на громкой. И самой стало стрёмно. — Ну, приедешь ведь скоро. Давай не грусти. Стоило ехать на море, чтобы грустить, а? — продолжал он, явно пытаясь её поддержать.

— Ты один? — на всякий случай спросила она.

— Да, в «Леруа» поехал за смесью.

Линка облегчённо выдохнула и заворковала:

— Как мальчики? Что-то ели? Петя как? Павлик чем занят?

— Петька всё работает. В телеге фотки скинул, такой он крутой в спецовке...

— Да, да, мне тоже.

- Пашка всё со своим отрядом таскается. Какую-то альтернативную хрень проходит.
- Целину. Это движ у них такой отрядный, чтоб бойцом стать.
- Чего?
- Да так, не бери в голову! Ели-то что?
- А... Да ели-ели, не переживай. К маме ездили, она пирогов нажарила. Не переживай.
- Хорошо. Ладно, я эта... на завтрак пойду.
- Да, хорошо. Пока, Лина. До вечера!
- Пока.

Она не клала трубку, а ждала, когда он положит, и всё смотрела на их общую фотку на экране, где они обнимались. Это была их чуть не единственная фотография, где они куда-то выбрались вместе. Кажется, лет шесть назад это было. Они отмечали юбилей строительной фирмы, где работал муж, и их с жёнами и детьми вывозили на Карьеры на пикник. Они тогда ещё поссорились, потому что ей после отдыха на природе, да после вина и танцев безумно хотелось секса. А он перепил, что с ним случалось крайне редко, и был просто не в состоянии. Она, пьяная и возбуждённая, пыталась его растормошить, но он только послал её на хрен.

Линка бросила телефон и пошла в душ. С похмелья, да после его звонка и этих грёбанных воспоминаний хотелось плакать. Закрывшись в кабинке, стоя под струями дряблой воды, Линка дала волю слезам. И ведь знала — поехав без него, будет скучать и психовать, но и не поехать уже не могла, потому что всё осточертело, хоть из окна сигай. Даже младшего сына звала с собой, чтобы было веселее, но тот только виновато улыбнулся и отказался, сославшись на то, что он вступил в студенческий отряд и у них с друзьями всё лето распланировано!

Танька ещё эта со своим дебильным мужем! Вот почему такие, как Танька, и рвать отношения не боятся, и никогда одни не остаются, потому что всегда рядом с ними какой-нибудь пузан да найдётся?! А Линка всю жизнь только Гришу и любила, и даже подумать не могла о том, чтобы посмотреть на другого мужчину, но в последнее время их семейная жизнь всё больше напоминала жизнь соседей. Иногда закрадывалась мысль, что, возможно, такие отношения уже изжили себя, что пришло время разбежаться, начать всё заново. Но эта мысль была так крамольна и пугающа, что Линка её гнала от себя всеми силами. Как это — заново? А выстроенный дом в элитном посёлке? А мальчики? Ведь она всю жизнь их учила, что семья и брак — это навсегда, это тыл, это любовь и счастье! Только эта чёртова сказка в последнее время напоминала какой-то грёбанный зацикленный чёрно-белый фильм! Ещё больше не хотелось выслушивать от матери. Линка знала, что решит она, ну, как это в дурацких фильмах, двое решают, что им надо пожить отдельно, то мать бы первая ей всю плешь проела, дескать, это не по-людски, так нельзя, неправильно!

Да и, честно говоря, Линка сама понимала, что «пожить отдельно» — не вариант. Ей вообще-то не отделиться от него хотелось, а наоборот, стать ближе, как раньше, в юности, когда они друг на друга насмотреться не могли, а стоило остаться наедине, как кровь закипала, и они любили друг друга снова и снова. В те времена она просыпалась и в полудрёме вздрагивала от мысли, что вдруг ей всё это только приснилось. Господи, как же она его любила! Да и не сможет он без неё. Гриша, кажется, знать не знает в какую сторону дверь-то у холодильника открывается!

Почему-то от этих размышлений обида не проходила, а напротив только усиливалась. А накопленная за два года без передыха усталость и злость на всех и вся требовала выхода. И Линка даже подумала, а не спрыгнуть ли ей на тарзанке? Может, так всю дурь получится выбить из башки, и продолжить жить себе уже спокойно? Но беда была в том, что Линка была трусихой, даром что всю жизнь её в глаза и за глаза называли Акулой. Вид резинки, на которой над пропастью болтались люди, вызывал у неё тошноту и панику. Но, быть может, это как раз и была бы та необходимая встряска, чтобы всё снова встало на свои места?

Выйдя из душа, она некоторое время смотрела на себя в большом запотевшем зеркале. Оттуда на неё глядела грустная женщина. Свежая стрижка на длинных выпрямленных кератином тёмно-русых волосах, перед отпуском подкорректированные брови, ещё вполне гладкое лицо и крупная грудь были лишь обёрткой, под которой пряталась тоскующая душа. Рутинка и быт — вот что из неё высасывало все соки. О чём ни подумай — семья с бесконечными хлопотами, муж, видевший в ней лишь свой придаток, который и вроде есть, и в то же время мало заметен, сыновья, которые выросли и им намного интереснее где-то, чем с ней, работа, требующая активности даже тогда, когда просто хочется сдохнуть, — всё вызывало тоскливое посасывание где-то в животе. Наверное, появившись у неё возможность, она бы предпочла не возвращаться к этому. Вот бы затеряться в ином мире! Например, остаться на юге, открыть свою маленькую кондитерскую в каком-нибудь курортном городке, завести белого персидского кота, по вечерам бродить по цветущим бульварам, наслаждаться видом на море и читать книжки из топ-100...

Линка закрыла глаза, снова с тоской подумав о муже. Ну, если захочет, он может приезжать к ней, на парочку дней. Она вздохнула, прижавшись голой спиной к стене. Она особенно любила, когда он брал её в ванной...

7.

Стоило спуститься на завтрак, как Танька и Санёк оказались тут же. Оба были опухшими и красными, потому что с самого утра, к полному Линкиному изумлению, уже успели позагорать на море. На их вопрос о планах на день Линка уверенно заявила, что идёт на море. Но её решительный вид ровным счётом не произвёл на парочку никакого впечатления.

Танька заявила:

— Отлично! Раз у тебя никаких планов, тогда едем с нами. Мы направляемся в Головинку к тюльпановому дереву и аквапарк. Говорят, там крутая кормёшка!

У Линки в плане тоже был такой пунктик, а потому, скрепя сердце, она согласилась, уговаривая себя тем, что втроём и такси обойдётся дешевле, и опять же за полотенцами будет кому приглядеть.

Этот вынужденный компромисс привёл к тому, что в следующие три дня Танька и Санёк, похоже, решили, что Линка в полном их распоряжении. Они уже не спрашивали об её планах, а просто подваливали к ней за завтраком, плюхались рядом, сдвигая стулья, и озвучивали очередной маршрут. Гарсия Маркес где-то валялся на тумбочке со своим столетним одиночеством, а Линка тряслась под хохот Таньки и её мужа в очередную экскурсию. Вообще-то Линка могла выразить протест, но на второй день отдыха их тупые шутки и хохот стали смешить и её. А пиво и раки с мидиями на троих вовсе оказались улётными, так что Линка решила: до их отъезда можно и потусоваться вместе.

Они сползали на «33 водопада», как положено, отдегустировали все чаи, мёд, вина, адыгейский сыр, от чего потом у Линки сварливо гудел живот, а Санёк едва не выпал из джипа во время переправы по реке, потому что, идиот, непременно хотел сфоткать орущих пассажиров сверху. Потом они просадили кучу денег в Сочи-парке на жрачку, аттракционы и всякую фигню, типа магнитов и подвесок с надписью «Сочи», «Роза Хутор», «Красная поляна» и прочее. И на обратном пути после третьей банки пива Линке хотелось расстрелять тех, кто подсаживался на бесконечных станциях в «Ласточку», отчего электричка еле плелась. Санёк вырубился, и его круглая потная голова всё сползала Линке на грудь, но встать или пересестись не было никакой возможности, и постоянно хотелось ссать. Сама Линка тоже безумно хотела спать, но уснуть в битком набитой электричке у неё не получалось, и она всё удивлялась этой парочке. Им плевать было на кучу народа, давку, голос диспетчера — сидя рядом, они дружно похрапывали с той лишь разницей, что Танька упиралась рыжеволосой головой в окно, а Санёк клевал носом в Линкину грудь.

На третий день перед своим отъездом, видимо, серьёзно поиздержавшись, Танька и Санёк никуда не поехали, а потащили Линку на море. Но и здесь они не могли спокойно лежать или купаться. Санька вечно манили какие-то причуды. Сначала он напросился к какому-то местному покататься с «моими девчонками» на лодке. Ладно, Линке даже понравилось. Потом к берегу прикатил жёлтый банан, и у Санька опять засвербело. Танька кататься отказалась, сославшись на критические дни, как и Линка, и он покатил один, ну, то есть с другими туристами. А Танька, обмахивая себя шляпой, философски заявила:

— Вот за что я его люблю, так это за жажду жизни! Он такой неутомимый. Даром что сорокет!

Линка только усмехнулась, наблюдая, как сорокалетний Санёк в своих едва прикрывавших муди плавках слишком неутомимо прижимался к тощей девчонке в голубом купальнике, что сидела на банане перед ним.

Потом Санька растащило на варёную кукурузу и лимонад, которые он и не доел, и не допил и всё скормил Таньке. Наконец, упал возле неё и, накрывшись шляпой, застал:

— Танчик, кажется, у меня удар. Девчонки, надо срочно холодного пива!

Короче, этот цирк грозил закончиться только к ночи. Но так как на утро Танька и Санёк должны были уезжать, кстати на автобусе до Зареченска, то решено было отметить расставание под пиво на берегу вечернего моря.

— И вы как хотите, а я буду танцевать в лучах заходящего солнца! — заявила Танька.

8.

Закатное небо напоминало раненую плоть. Курчаво-серое с ярко-красными фрагментами, словно кто-то гигантский огромным мясным ножом кромсал его, будто тушку ягнёнка. И море гудело, жалобно, скорбно, тысячами волн подбираясь к берегу, гремя о прибрежные камни, натываясь и отскакивая о старые бетонные сваи, торчавшие из берега словно шипы. Море было беспокойным, пугающим, гремуче-чёрным. И кому взбрёт в голову купаться в такую стихию? А между тем внизу, там, где берег узкой полоской огибал сваленные сваи и груды отшлифованных камней, сквозь темноту, слегка нарушаемую фонарями кафе, виднелись двое. Он шёл впереди, она цеплялась за его руку, осторожно пробираясь через камни. Они смеялись. Этот смех неясно намекал, что у кого-то этой ночью на берегу моря будет горячий секс.

— Везунчики, — сама себе констатировала Линка, облокотившись о металлическую ограду, что окаймляла в целях безопасности бетонную площадку прибрежного кафе с покосившейся вывеской «У моря». И с лёгкой завистью смотрела вслед парочке, что уже была едва видна внизу, миновав пространство, куда бесстыдно заглядывали прожектора. Теперь, нырнув в темноту, парочка еле виделась неуловимым шевелением между бесформенных груд камней, но их приглушённый шёпот и смех ещё отчетливо слышался, отражаясь от воды, вызывая скверное настроение.

— Чёрт! — Линка отвернулась, поймав себя на том, что до последнего пыталась их разглядеть и даже представить себе, какой Он и какая Она. Но неизменно на их месте рисовала себя и Гришу.

Да, с ним бы она тоже рискнула, даже несмотря на бушующее море. И думала над тем, что, наверное, с ней что-то всё-таки не так. Наверное, это какая-то последняя стадия перед климаксом, когда постоянно хочется секса. Ну, иначе как объяснить, что она постоянно думает *об этом*? И краснела, заглядываясь на море, снова и снова размышляя над тем, что в семейной жизни *это* не просто соитие, а гораздо больше. Для неё, сорокалетней женщины, *это* было средством снова почувствовать себя молодой, желанной, нужной. И дело было даже вовсе не в оргазме. За время семейной жизни у неё его было предостаточно, это она могла бы с гордостью заявить той же Таньке. Дело было совсем в другом. Давно остались в прошлом их юношеские эксперименты, и близость была нечастой и довольно короткой, чаще всего без каких-либо

прелюдий. Но зато наверняка. Он точно знал, как любит она, а она точно знала, как сделать хорошо ему. И в этом, чёрт возьми, был смысл! Много ли пар на свете, кто и через двадцать лет совместной жизни может похвастать почти одновременным оргазмом?

Линка не знала точно, но догадывалась, что нет. Вот взять хотя бы Таньку. Если бы всё было хорошо, стала бы она трижды менять мужика? Или Санька? Подумав о нём, Линка поморщилась. Да уж, Танька всегда была без особых претензий. Зато Линке вечно с упрёком предъявляли, что она — «птица высокого полёта», особенно когда Гриша, капитан баскетбольной команды универа, начал встречать её после пар. Ох, сколько зависти было вокруг!

Линка вздохнула, вспомнив, как и она сама себе завидовала, вышагивая с Гришей под руку по университетскому кампусу, и вспыхивала, не зная, куда деться, стоило встретить кого-то из группы. Гриша всегда был приметен, и Линка в душе страшно ревновала. Очередная ссора всегда заканчивалась отличным сексом. За годы семейной жизни у них сложился особый ритуал: вспылить, потом нахохлиться и молчать, иной раз чуть не по неделе, чтобы потом, напроць забыв о причине ссоры, любить друг друга. Правда, в последнее время таких ярких ссор и перемирий стало значительно меньше, как будто механизм их любви оказался переключён на эконом-режим.

Она уже давно ловила себя на мысли, что, пожалуй, только сама и видела в супружеском сексе особую скрепляющую силу их отношений. Гриша шёл на перемирие как будто лишь ради разрядки, чтобы просто выбросить излишек тестостерона, или, что ещё хуже, всего лишь признавая его рутинную необходимость. Ну, вроде того, как в течение года вы поздравляете с разными праздниками родственников. В общем, она не знала. Они никогда об этом не говорили. Да и кто спустя двадцать лет брака задаётся вопросом, зачем они спят друг с другом?

И всё-таки за пару минут романтики она могла бы простить ему многое. Вот даже сейчас: пояись он вдруг, на паруснике из ниоткуда, да она бы забыла о том, что он не поехал её провожать. И, да! Устроила бы ему такую встречу, мама не горюй! Пожалуй, этой парочке пришлось бы сконфуженно ретироваться, уступив местечко их страсти!

— Ха! — усмехнулась на свою фантазию Линка, понимая, что муж не появится, и одним глотком допила остатки пива из пластикового стакана.

Танька уже давно отбуксировала Саньку в номер, отрапортовав, что надо собраться перед отъездом. И теперь без них в ночном пустом кафе стало особенно тихо. Линка смахнула остатки пива с губ и поискала глазами урну.

Одна стояла через пару пустых столиков, и Линка собралась идти, борясь сама с собой. Время было позднее, кафешка пуста, если не считать какой-то залётной семейки с без конца вопящим ребёнком двух лет, коих тут в Золотой Щели была куча. Эта компания и пустота зала не предвещали ничего интересного. Но, с другой стороны, не хотелось возвращаться в пустой номер. На что там было рассчитывать? Несколько часов перед телеком да с тоской слушать, как внизу будут веселиться другие постояльцы? Уж лучше здесь, у моря.

Линка снова развернулась, пытаясь разглядеть в темноте ту самую парочку, только что исчезнувшую в ночи. «Блин, тоже хочу! Под звёздами и у моря!» — и грустно рассмеялась себе под нос от этого идиотского вопля внутри самой себя. Надо же, сбежав сюда от всех, она ещё острее почувствовала всю убогость своей жизни!

Наверное, это потому, что она не умела по-настоящему кутить и жить на всю катушку. Вот как Танька или Санёк, например. Эти двое раздражали и умиляли своей беспечной простотой. Танька, кстати, проболталась, что ни дня не работала по специальности и диплом её где-то валяется у матери, зато работает себе в салоне элитной мебели, толкает диваны за две-сти тысяч и каждое лето куда-нибудь да мотает. Обычно на Гоа или в Турцию. Это нынче они с Саньком проворонили срок загранников и пролетели с границей. И Санёк её тоже звёзд особо с неба не хватает, дальнобоит по региону, развозя всякую хрень в отдалённые веси. Зато без лишних нервяков и на «отдохнуть» остаётся. Правда, уже в конце Линке пришлось за них

заплатить, так как у них закончились деньги, а ведь им ещё предстояло почти трое суток трястись в автобусе и перекусывать в дорожных кафешках. Так что Линка им ещё субсидировала пятёрку, так, по старой дружбе.

И теперь от самой себя было тошно. Когда они стали друзьями? В универе Линка Таньку терпеть не могла за то, что та её вечно задирала. И ведь уверена была, что там, в Зареченске, Танька всем разнесёт сплетни про неё и Акулова, что вроде вместе, а отдыхают по отдельности. Но всё же весело было же в течение этих нескольких дней? И вроде, как не помочь, раз уж такое дело? Как бы сказала мама, не по-людски это.

Честно говоря, без них теперь Линка всерьёз опасалась, что заскучает. Знакомиться она не любила и вообще предпочитала держаться от всех подальше, объясняя это тем, что и так всё время работала с людьми. А ведь на юге в компании как-то сподручнее, менее рискованно, что ли. Это она теперь поняла, проводив Таньку с её муженьком с узкой полоской плавок на жоппе. Теперь опять придётся самой себе выбивать одинокий столик на завтрак, обед и ужин, многозначительно молчать, когда все вокруг шумными компаниями будут ржать, делая вид, что она их совсем не слышит, а ещё постоянно таскать с собой сумку, ведь бросить вещи и просто «пойти пошататься», как говорила Танька, вручив Саньку охранять их, уже не получится.

Вот она правда жизни! Мечтаешь об уединении, но на самом деле мечтаешь о какой-нибудь лёгкой ненапряжной компании, потому что только так удаётся забыться за тупыми шутками, расслабиться за пустяковыми разговорами, выбраться, наконец, из пучины собственных мыслей и жужжания, которые съедают тебя изнутри. А теперь придётся тусоваться пять дней в одиночку! И Линка физически почувствовала, как её дурацкая привычка всё анализировать и размышлять вновь начала увеличиваться в размерах, захватывая все её мысли, как пивная пена увеличивается, наполняя стакан и поднимаясь над ним.

Какого чёрта она отдыхает одна? Какого чёрта муж вечно придумывает всякие отговорки, только бы никуда не уезжать? Какого чёрта она даже не подумала взять с собой Наташку, лучшую подружку? Какого чёрта она оказалась такой самонадеянной и всё-таки решила лететь на самолёте? А всё потому, что тогда, в Зареченске, у неё было одно единственное желание — послать всех к чёрту и свалить! Хренвоее всего было то, что обратно, уже зная, что её ждёт в пути, она обрекала себя на то же самое, потому что, блин, билет на обратный самолёт уже был куплен и с хорошей скидкой! Этот отпуск, которого она ждала два года, начался изнурительно и также изнурительно должен был закончиться. И хотелось свеситься с металлической ограды и крикнуть во всё горло в тёмное открытое море: «Какого чёрта всё так тухло???» Ну, хоть какую-нибудь радость! Ну, хоть что-нибудь случилось бы в её жизни, чтобы сердце запрыгало от счастья, а постылая обыденность отступила перед чем-то грандиозным!

— Привет!

II

I.

Линка вздрогнула от неожиданности и резко обернулась. И оторопела — в шаге от неё стоял Бог!

По крайней мере, если он существует, то определённо выглядит именно так!

У Линки язык просто присох к нёбу, и сумасшедший жар прилил к щекам при виде высокого красавца в расстёгнутой джинсовой рубашке. На рельефной груди с небольшим количеством выющихся волосков, уходивших озорной дорожкой к поясу джинсов, поблёскивала золотая цепочка. И весь он будто лоснился и сиял в тусклых фонарях кафешки!

— Я вижу, он тебе особенно дорог? — снова произнёс Бог и улыбнулся! А потом вдруг кивнул, глазами куда-то показывая.

Линка оторопела от такого наглого «тебе». Вообще-то к ней лет десять уже обращались только на «вы» и «Акулина Петровна»! И было в этом что-то недопустимо дерзкое, стирающее границы, смахивающее пыль лет! Она с трудом проследила за Его взглядом и только сейчас поняла, что Он уже давно протягивал руку, желая взять её пустой стакан. Словно под гипнозом она протянула Ему стакан, наблюдая, как Бог принял его, сунул в большой чёрный пакет и, почему-то подмигнув ей, двинулся вдоль столиков, поправляя их и собирая мусор. От Его подмигивания Линка ещё сильнее вспыхнула, отвернулась, чувствуя дикую неловкость и смущение, но уже в следующую секунду снова искоса взглянула на Него, сильнее вцепившись в металл ограды, будто в спасательный круг. И, как зачарованная, разглядывала широкую спину, видневшуюся под тонкой рубашкой, закатанные до середины крепких икр варёные джинсы, под которыми она пыталась себе представить Его голые ягодички.

«Так, стоп! Ээй, баба! Ты о чём?! Он тебе в сыновья годится!»

От этой мысли Линку передёрнуло, словно шарахнуло током. Она зажмурилась, пытаясь прийти в себя, и полностью отвернулась к морю, конфузясь собственными ощущениями. Но они так яростно рвались наружу, что от борьбы с самой собой Линка аж взмокла.

Тем временем Бог обошёл все столики, задержавшись возле семейки. Перекинулся парой фраз с главой семейства в вытянутой футболке и необъятных шортах в клеточку, которые больше походили на семейные трусы, заметив:

— Мы через полчаса закрываемся. Но вы ещё можете заказать пиво.

— Полчаса? Чё так мало?! Братан, давай часок, а? Ну, ведь завтра уезжаем, опять тоска! А тут — красотища! — и мужик обхватил Его шею рукой, пытаясь притянуть к себе, и что-то зашептал, словно загадочно другу.

Линка и не заметила, как снова пялилась в Его сторону. Бог наклонился к мужику, но вскоре выпрямился и с улыбкой произнёс:

— Что ж, если закажете мороженое и ещё пива, то мы задержимся на полчаса.

— Нет, мы... — хотела было вставить жёнушка, пузатая и веснушчатая, в коротюсеньких джинсовых шортах с рехмушками и чёрном топе на бретельках-ниточках, который обтягивал всё её «совершенное» тело.

Но муженёк уже вскинул руки и заорал:

— Братан! Ты — лучший! Тащи мороженое и пива! Тащи, родной! Гуляем, зайка! — и он в приподнятом настроении чмокнул свою жёнушку в загорелое пухлое лицо. Та лишь махнула рукой и зачем-то поползла под стол. Только спустя минуту Линка поняла, что она там поднимала выпавшую у орущего ребёнка соску. Нимало не смущаясь, женщина облизала её и сунула малышу в рот.

Удивляясь сама себе, Линка захотела остаться под визги и ругань семейки. Что-то сладко заволновалось внутри, так сладко, как у Линки уже давно не было! Наверное, пиво ударило в голову, потому что она, спрятавшись за широкими полями шляпы, вдруг раскинула руки в стороны, обхватив металлическую ограду, созерцая Его. Здесь, у края моря, почти в темноте, нарушаемой лишь парой жёлтых прожекторов из-под крыши пустого кафе, за тридцать земель от дома, мужа и сыновей, опостылевшей работы и таких же коллег она позволила себе эту крошечную радость!

Он был так юн и прекрасен! И занят. Чертовски занят! Волнующе занят...

Линка наблюдала из-под шляпы за тем, как Бог, двигаясь плавно, даже немного в такт звучащей музыке, отнёс мешок с мусором за пристрой. То, как Он ловко одной ногой приоткрыл белую дощатую дверь, вызвало у Линки волну мурашек. Затем Бог вернулся, вытирая вафельным полотенцем руки, закинул полотенце на плечо и встал за стойку бара. Сперва Он налил в пол-литровые пластиковые стаканы пиво, потом поставил на стойку две креманки с мороженым и от души потряс бутылкой с шоколадным наполнителем. Прицелился и полил мороженое тонкой густой струйкой, выжимая из бутылки. И в этот самый момент бросил взгляд на Линку, снова ей широко улыбнулся и вопросительно кивнул.

Она почувствовала, как у неё запылали щёки, как у школьницы, которой улыбнулся старшеклассник! И кивнула, соглашаясь на мороженое, задушив на корню слабый писк разума, пытавшийся что-то возразить. И щекочущая волна начала подниматься вниз живота, когда Он отдал креманки и пиво семейке, и начал представление исключительно для неё. Поставил на стойку особенно красивую высокую стеклянную вазочку с волнистым краем и, не сводя глаз с Линки, обхватил широкими ладонями чашу миксера и нажал на кнопку. Послышался хлюпающий звук, и белая густая масса, извиваясь, потекла в вазочку. Бог улыбался ей, встряхивая бутылку с наполнителем, и вдруг подался назад, целясь узким наконечником вверх мороженого, одновременно зажимая корпус, водя им рукой из стороны в сторону. От этого движения, которое было чертовски похоже на момент извержения, у Линки вспыхнули щёки! Она отвела взгляд, сглотнула, пытаясь привести в норму дыхание, боясь выпустить наружу что-то необузданное. Захотелось, чтобы стало ещё темнее. И теснее, чтобы только она и стойка бара с Ним!

В этот критический момент где-то из самых недр что-то истошно завопило: «Эй! Приди в себя! Вон отсюда!» — здравый смысл в панике пытался прорваться сквозь охватившие её чары, сводившие с ума одним только обещанием, что Он подойдет ближе и заговорит. — «Зачем тебе это надо!? Ты — вообще-то успешная замужняя женщина! Мать двоих детей! Стоп! Стоп! Взяла сумку и потащила свою задницу в отель к телеку! Ну, где сумка? Где, ёклмн, твоя сумка? Не смей, поняла?! Не смей говорить с ним! Не смей брать это чёртово мороженое!» От этого вопля в голове тревожно зазвенело: цок-цок-цокцокцокцок... Поддавшись этому голосу, боясь саму себя, заметив, как Бог уже поддел двумя пальцами тонкую ножку креманки и, обойдя стойку, двинулся к ней, пританцовывая под оравшую на весь пляж Кристину Агилеро, Линка судорожно попыталась отыскать сумку.

Но не успела. Ноги подкосились и стали ватными, так что пришлось крепче вцепиться в металлическую ограду, в то время как внутри всё задрожало от мощного напряжения, что сгушалось в воздухе с Его приближением.

— Грустишь вместо того, чтобы чилить? Это отстой! Хочу, чтобы ты улыбалась, — Линке показалось, что с ней заговорили сами Небеса, грандиозные и прекрасные, неподвластные её разуму! И придавленная этим величием, она совершенно потеряла способность говорить и думать. — Здесь круто, правда? Держи, приятный бонус в конце чили-дня, — и Бог взял Линку за руку и вложил в её ладонь креманку. Это было странное ощущение: рука её горела и, кажется, мороженое начало плавиться на глазах, а Линка стояла, как дура, и молчала, дрожа всем телом, будто от холода.

Тем временем Бог стал рядом, облокотившись на ограду и поставив меж прутьев ногу в резиновом сланце, вглядываясь в море. Линка не сразу поняла, что на время перестала дышать, двигаться, моргать, забыв саму себя. И вздрогнула, когда Он взглянул на неё вполоборота и спросил:

— Любишь подтаявшее?

Линка по-дурачки улыбнулась, так широко, что аж скулы свело, и тоже повернулась к морю.

Оно стало ещё темнее. Но уже не гремело и не билось, как страдающий зверь о камни, а набегало мерно, успокаивающе, шлифуя берег, как неторопливый старый мастер. И в небе больше не было ярко-красных просветов, а только высокая, масштабная темнота бескрайней дали, на которой местами темнели сгустки — тучи, а кое-где проглядывали звёзды. И Линка догадалась: всё вокруг с трепетом замерло вблизи Него, не решаясь кричать и беспредельничать, а почтительно притихло, чтобы она, Линка, могла расслышать всё, что Он будет ей говорить.

Бог, говори со мной!

— Окей, ты — молчунья? — усмехнулся тем временем Бог и вдруг подался к ней, взял пластиковую ложечку из креманки и, поддев мороженое, поднёс к Линкиному рту. — Не могу смотреть на то, как тает мороженое. Оно ведь должно быть холодным, а? — теперь Линка могла рассмотреть Его лучше, и то, что видела, захватывало.

Он был молод, но не юн. Возможно, на пару лет старше её Пети, старшего сына. Несколько растрёпанные сверху тёмно-русые волосы на затылке и боках были модно сострижены. А безупречный овал лица и крепкие скулы, потрясающе красивые светло-серые глаза с прямыми чёрными ресницами, которые у внешнего края даже сплетались от густоты, высокий лоб с лёгкой продольной складкой и две ломаные линии тёмных бровей казались ей пределом совершенства. И чертовски хотелось верить, что в свои сорок два она тоже ещё ничего! Особенно в этих удлинённых белых шортах и голубой рубашке поверх синего шёлкового топа на голое тело, так как мокрый лифчик купальника валялся где-то на дне пляжной сумки. О, под гладким шёлком топа — она это знала — её грудь выглядела офигенно соблазнительно! А потому Линка нарочно сильнее расправила плечи, так чтобы выгоднее подчеркнуть грудь, и метнула в его сторону взгляд. Он пялился на неё! Так что у неё ещё сильнее зазвенело где-то внизу, а сама она усмехнулась — мельком, что вряд ли он заметил, и подумала, что за этот взгляд она позволила бы ему многое...

Пытаясь избавиться от этих ненормальных мыслей, Линка поспешно сглотнула, запретив себе даже взглянуть на Его губы. Приняла ложечку и, томно вскинув головой, отвернулась к морю, облизав мороженое. И от неожиданности издала звук восторга, искоса взглянув на Него, чувствуя, как молочная сладость растеклась по языку попеременно с чем-то особенным — горьким, ореховым, крепким! Это было нечто новое в её коллекции кондитерских вкусов, и таким сумасшедшим, что Линка нарочно дольше не хотела глотать, пытаясь распробовать все грани этого волшебного мороженого. И не сумев сдержаться, закатила глаза от удовольствия.

— Правда, отпадно? Это пломбир с амаретто, — Его голос, кажется, усиливал все вкусовые ощущения.

— Потрясающе...

Похоже, Он не собирался уходить, а продолжал стоять, глядя на море, всем своим видом показывая, что это было куда интереснее, чем скучать за пустой стойкой.

— Я уж думал ты так и не заговоришь с беднягой официантом.

Официантом?! Линка изумлённо выглянула из-под шляпы. Э, это какая-то уловка? Бог в облике официанта?

Ну, почему нет? Кажется, Иисус вообще был плотником...

«Богохульница!» — пронеслось у Линки в голове с интонацией матери. А вслух она сказала, пытаясь вести себя максимально прилично, но получилось игриво:

— Для начала стоит присмотреться.

— Ну, что? Присмотрелась? — Он неожиданно рассмеялся. — И что дальше?

Дальше?!

У Линки челюсть отвалилась от этого прямого вопроса. Что Он имеет в виду? Неужели Он слышит всё, что вертится в её испорченной голове?! К чему же ещё может быть этот вопрос?!

Но вслух она проямлила, снова запуская ложечку в мороженое:

— В смысле? — и замерла в томительном ожидании.

— Ну, кажется, ты тут недавно? Я ещё тебя не видел. И, я так понял, отдыхаешь в одиночку? Чем занимаешься? И что собираешься делать? Местечко, прямо скажем, без излишеств, — и Он усмехнулся, оглядев узкую полоску пляжа и кафешку Золотой Щели.

— Я... я... — Линка и сама не поняла, почему начала заикаться. Но, честное слово, сказать Ему что-то оказалось не просто. В смысле, что она могла сказать? Про свою работу? Про мужа и взрослых сыновей? Вряд ли это то, о чём вообще стоит рассказывать. Ну, не вываливать же на Него все свои проблемы и семейные сложности! А без них, без этих самых проблем, сказать-то было и нечего. Запутавшаяся, измождённая работой и домашними заботами баба, которая вырвалась, наконец, на море, на свободу, к солнцу, нарочно не взяв с собой никого, даже подруг, которые задолбали разговорами о своих мужьях и детях, о проблемах с циклом и тому подобное. И так дерьмово стало на душе, потому что всё это показалась какой-то непробиваемой бронёй, за которой она научилась прятаться и из которой было не выбраться. Разве могло это впечатлить такого симпатягу?

Линка запустила глубоко ложку в мягкую массу и, подчерпнув большую порцию, молчком сунула в рот, с вызовом взглянув на Него, напуская загадочный вид.

— Ого, у тебя нет планов?! — изумился Он. — Это супер! Обычно приезжие имеют в голове пунктики, которые непременно стоит реализовать, думая, что они какие-то особенные. А на самом деле — полный отстой!

— И какие же обычно бывают пунктики? — спросила Линка, как будто не зная, что Он имеет в виду, на самом же деле пытаясь понять, совпали её пункты, записанные в блокнот телефона, с этими «обычными».

— Ну, поесть раков, — загнул Он с насмешкой первый палец. — Увидеть дельфинов, тюльпановое дерево, 33 водопада. А ещё, это для тех, у кого деньги водятся, поучаствовать в местной рыбалке, добраться до Красной Поляны и Сочи-парка. Как-то так.

Линка почувствовала, как её ненароком окунули в дерьмо, причём с такой вот роскошной улыбочкой. Да, пожалуй, соригинальничать не получилось. Не подавая виду, она снова облизала ложку, наслаждаясь приятным обжигающим вкусом амаретто, и бросила с вызовом, взглянув на Него:

— Чертовски хочу на настоящую морскую рыбалку, — и, наверное, будучи не в себе, спросила: — Это можно устроить?

Что мог сказать Бог?

— Конечно! Нет ничего проще!

И Линка заулыбалась, глядя на то, как Он рассмеялся.

— Эй, братан! Братан! Иди к нам! Я хочу с тобой выпить! — заорал мужик за соседним столом.

2.

Линка почувствовала, как вдруг стало холоднее, когда Бог вполголоса бросил ей:

— Погоди, меня зовёт этот скуф, — и покинул её ради вопящего в пустыне.

— Слушаю, — произнёс Он, терпеливо наблюдая, как тот выползал пьяными ногами из-за стола, трясая в воздухе полупустым стаканом пива, и всё пытался Его приобнять. — Пожалуй, хватит. Вам же завтра уезжать?

— Вот-вот! — причитала его жена, укачивая орущего ребёнка. — Вставай, пошли в номер. Хватит глушить! Лёвка есть хочет!

— Дай ему мороженое, дура! — рывкнул муженёк в её сторону, хватая Бога за рубашку и, чуть не плача, завопил: — Хорошо тут у вас, мооооооре, а у нас там — тоска, да баба эта ещё, всё пилит и пилит! Давай выпьем, братан, вот такой ты, парень, а?

Он похлопал его по спине и удерживал за торс, больше для того, чтобы мужик не перевернул стол.

— Мы закрылись уже давно. Вам пора. Но мы вас ждём на следующий год. Вас с женой и вашего сынишку. Он ведь уже подрастёт и сможет оценить поездку к морю. Правда?

— Лёвка-то? Да ты чё?! Ему так понрааавилось! Из моооря не выыыытащишь, — заголосил мужик в приступе восторга, продолжая хвататься за Бога.

То ли семейка, то ли ночная прохлада, но Линке стало тоскливо. Да и мороженое закончилось, которое она до последнего скребла пластмассовой ложечкой по краям. И потянувшись за сумкой, что болталась на спинке соседнего стула, вдруг очнулась, расслышав, как надрылся телефон, напевая «Don't worry. Be happy!» — мелодия, поставленная на мужа! Это было спасение! Господи, Гриша, Гриша, как же ты вовремя, сукин ты сын!

— Привет, Лина, — прозвучало на той стороне.

— Привет! Как вы? — отозвалась она, зажав телефон между ухом и плечом, на ходу засовывая шмотки обратно в сумку.

— Да мы нормально. Ты-то как? Отдыхается?

— Отдыхается!

— Ты в номере? Спать ложишься?

— Да нет... Я гуляю... на море смотрю, — у Линки аж голос дрогнул, она покосилась в сторону Бога и тут же отвернулась, и так захотелось это сказать: — Так хорошо, что ты позволил. Я так скучаю!..

— Ну, Лина, у меня работа, знаешь ведь. Отдыхай. Тебе это надо. Как-нибудь обязательно съездим вместе.

— Здесь хорошо... Море такое...

— А у нас с утра дождь. Машину только вчера помыл, а сегодня как ливануло! Опять мыть придётся...

Он что-то ещё говорил, а Линка смотрела, как семейка, пошатываясь, покидала кафе, возвращаясь к реальности. Даже эти вместе отдыхают, а его никуда не вытащить! Работа, работа, работа! И Бог этот стоял неподалеку, поправляя столы и стулья, поглядывая на неё, от чего было особенно стрёмно. Она всё время себя так чувствовала, будто одинокая, а ведь совсем нет! Нет! У неё замечательный муж. И дети. И мужа своего она любит. Любит-любит, это точно! Просто он бывает невыносим, со своей работой!

— Ладно, — остановила она мужа, когда поняла, что он опять начал про свои графики и авралы на работе. Эти разговоры вызывали изрядно бесили. — Давай завтра созвонимся. Ешьте там что-нибудь. Голодом не сидите.

Когда погас экран телефона, Линка вздохнула и сунула его в сумку так, чтоб не вымок от мокрого купальника. И бросив взгляд на Бога, который стоял у стойки и протирал вымытые креманки, криво улыбнулась. Хотелось быстрее уйти.

— Сколько с меня за мороженое? — полезла за кошельком.

— Пятьсот двадцать.

— Ого! — отозвалась Линка, вытаскивая карточку.

— Ой, — расплылся Он в улыбке, — а у нас только наличные или переводом.

— Точно! — она усмехнулась, снова доставая телефон. — Диктуйте номер.

— Восемь, девятьсот три...

Линка быстро нажимала на цифры под Его взглядом и чувствовала, как краска снова приливает к лицу. Сбербанк, как на зло, ещё тормозил, без конца зависая и крутя своё зелёное колечко. Наконец, вышла страничка с именем продавца «Эдуард Б.» и Линка показала Ему её, чтобы удостовериться в правильности набора.

— Да, это я, — кивнул Он. — А тебя как зовут?

— Меня?.. Э...

— Элла?

— Нет... Акулина, — Линка окончательно сконфузилась и, нажав на кнопку «Отправить», почему-то сердито бросила: — Вы на всех гостей так смотрите?

— Как так? — улыбнулся Он.

— Так! — возмутилась она и резко отвернулась, на ходу засовывая телефон в сумку и направляясь к выходу, ругая себя за это идиотское волнение и румянец перед каким-то мальчишкой!

— Акулина! Эй! Акулина! — услышала она позади и с досадой не сразу обернулась, стараясь максимально взять себя в руки и не поддаваться больше на Его чары.

— Что?

Он стоял совсем рядом, перекинув полотенце через плечо, и недоумённо и в тоже время весело смотрел на неё, держа в руках новенький «Айфон».

— Я, конечно, польщён такими чаевыми, но...

Линка почувствовала, как у неё опять вспыхнули щёки, на этот раз от стыда — она перевела ровную сумму, совсем не подумав про чаевые! А похоже, он их ждал?

— Ты мне перевела пять тысяч двести? — и Он повернул к ней экран, где на зелёном фоне красиво так белело «5200 рублей от Акулины А.»! Явно заметив, как она вспыхнула, Он продолжал нагло и весело: — В этом сезоне это пока что самая крупная сумма. За такие чаевые я готов развлекать тебя всю ночь!

— Не надо меня развлекать! — торопливо возмутилась Линка, ещё сильнее вспыхнув от Его слов и собственной тупости. И выпалила: — Это досадная ошибка... Простите... Как бы мне их вернуть?..

— Нет ничего проще! Диктуй свой номер, — и Он снова улыбнулся своей офигительной улыбкой — и Линка окончательно капитулировала...

3.

Разбудило её что-то непонятное, будто что-то настойчиво билось об её кровать, отдаваясь толчками во всё тело. Линка с огромным трудом разлепила глаза и тут же зажмурилась вновь — от яркого солнечного света. Голова была так тяжела, что оторвать её от подушки не было сил, а во рту всё пересохло от жажды. О, чёрт!

Линка осторожно приоткрыла один глаз, пытаясь понять, где она. Голова загудела, кажется, ещё сильнее от обрывков воспоминаний вчерашнего, пока она пыталась привести их в более или менее понятную линию. Но линия эта никак не выстраивалась в хронологию из обрывочных вспышек. Вот она босиком в воде отскакивает от набегавших волн. А вокруг темнота и только огромное бескрайнее небо с еле виднеющимися звёздами. И вода кажется густой, немного поблёскивает, как расплавленная смола. Потом были танцы. Танцы? Да, да, точно! Она в топе и шортах отжигала под «Сан-Франциско», почти взревев от ностальгии! И кто-то сзади обнимает её, отчего так тепло и волнительно, так классно, что её бёдра и плечи двигаются ритмично, легко, призывно. И очень жарко, так что Линке хочется снять топ, потому что все вокруг в одних купальниках. И она стягивает его и слышит, как все вокруг ещё громче кричат и свистят от восторга. И тут же кто-то крепко обнимает её, укрывая руками. И она не понимает, почему она голая. А может, вода была уже после? Да, да, точно! Белая плоская галька

ещё тепла, и босым ногам совсем не больно по ней ступать. Спала эта изнуряющая жара, и даже прохладно. Линка чувствует ночной влажный воздух голой грудью и кутается в рубашку. Небо огромно. Оно накрывает всё вокруг гигантским куполом. И она вспомнила, как говорила кому-то:

— Мы — песчинки! Песчинки! — а потом она уже не могла говорить под горячими губами...

Ой, блиииин!

Линка вскочила, мгновенно проснувшись при воспоминании о поцелуе и ошарашено огляделась. Она лежала на каком-то узком продавленном диване в низкой комнате под двумя вытянутыми окошками, завешенными рулонными шторами. Точно такой же диван стоял с другой стороны под такими же окошками, а на полу слегка сгрудился в одну сторону облезлый синий коврик. Белая дверь с кое-где облупившейся краской была плотно закрыта, и вроде стояла тишина, если бы не этот навязчивый стук.

Линка сглотнула, с трудом приходя в себя, не понимая, что это была за конура, и вспыхнула, обнаружив, что так и была в одной распахнутой рубашке на голое тело! Чувствуя, как ужас прокрадывается в душу, она с опаской приподняла укрывавший её шерстяной плед в крупную красно-коричневую клетку — и с облегчением выдохнула. Шорты! Кажется, ни до чего преступного дело не дошло. Это ж надо было так напиться! Слава Богу!

Богу?

Линка вздрогнула, вспомнив того красавца из кафе, и её бросило в жар. Так вот с кем она целовалась?! И танцевала... Чёрт, где же она?! Это совсем не похоже на то, каким должно быть Его жильё!

Стараясь не скрипеть, Линка осторожно подобралась к ближайшему окошку и заглянула под штору. И охренела.

Перед ней искрилось и плескалось море — без конца и края! И только сейчас она поняла, что это был за монотонный стук — ленивые волны бились о борт и слегка покачивали яхту. Яхта?!

Кажется, именно от этого покачивания её начало мутить. О, это явно о себе напомнил перепитый алкоголь вчерашней ночью! Да и это треклятое чувство стыда! Надо срочно убираться отсюда!

Обнаружив у дальней стены на столике свою соломенную сумку, шляпу и валявшиеся на полу босоножки, Линка вскочила, желая как можно быстрее свалить. Однако, приняв вертикальное положение, почувствовала особую дурноту и вертолёттики в голове — явный признак жёсткого похмелья.

«Вот ты тупица! Приличная женщина! Мать двоих детей. А нажралась, как последняя швабра. Да ещё уснула хрен знает где. И в каком же это надо быть состоянии, чтобы вообще не помнить, как ты тут оказалась?! Да, Линка, вот это стыдоба!» — этот навязчивый вопль собственной совести, который почему-то звучал голосом матери, пилил её на все лады, подстёгивая быстрее застегнуть рубашку и начать путь к отступлению. Одно она знала наверняка — надо прошмыгнуть незаметно. Эти сконфуженные церемонии с утра между двумя чужими людьми, вчера позволившими себе явно лишнее, были совершенно не к стати. Да и, что греха таить, Линке совершенно не хотелось предстать перед ночным красавцем с бодунища без косметики и с крепким перегаром изо рта!

А потому она тихохонько открыла дверь, закусив губу, будто это могло помочь не скрипнуть, бесшумно поднялась по крутой металлической лестнице на палубу с тентом и, быстро обогнув рубку, даже не взглянув в неё через стекло, пересекла корму и по узкому трапу бежала на галечный берег.

Галька противно скрипела под пробковой подошвой, которая то и дело проваливалась между камешками, а Линка удирала, желая как можно скорее скрыться за бетонным волноре-

зом из виду и вернуться к своей скучной, но вполне предсказуемой и понятной жизни. То, что произошло этой ночью, не укладывалось в голову! Хотелось всё это забыть, смахнуть с себя, как ночной сон. Но беда была в том, что стоило забыться, как снова вспышками вспоминались горячие танцы под яркие огни и дым клубной аппаратуры, оглушающий «Сан-Франциско» и поцелуй с языком...

4.

Боясь новой встречи, боясь того, что творилось у неё внутри, Линка к тому же совсем не хотела быть дурой. О, она знала эту странную женскую особенность, когда вслух себе заявляешь, что «нет, ни за что!», а сама бессознательно тащишься в те места, где возможна встреча. Нет! Это не про неё. Это временное помешательство должно остаться в прошлом. Она вообще-то взрослая, мудрая женщина, с красным дипломом магистра, профессионал в своём деле, независимая и самостоятельная. К тому же счастлива в браке. Да, да, счастлива! Муж у неё прекрасный, трудолюбивый, надёжный, ласковый. И что с того, что он с ней не поехал? Линка точно знала, что любит его!

А потому, едва добравшись до номера, Линка набрала знакомому таксисту на белой «Волге», договорившись встретиться через час. Потом приняла душ, почистила зубы, надеясь избавиться от амбре, переделалась в льняное светло-серое платье с широким воланом по подолу. По совету таксиста, решила ехать на Агурские водопады. Душа требовала уединения, бегства на природу, под шум воды, журчание горной реки Агуры, в шелест извилистого самшита и каштанов, туда, где красивые легенды и чудеса природы способны исцелить любые душевные терзания.

Поездка и прогулка заняли почти весь день, чему Линка была только рада. Добродушная болтовня таксиста, с которым они договорились на трёшку за трансфер и сопровождение, даже успокоили и заставили Линку забыться. Безмятежность горы Ахун и грандиозные склоны ущелья вдоль реки с изломанными гротами и живописными водопадами успокоили её нервы. А сумасшедшие чебуреки с ягодным морсом из попутной кафешки окончательно вернули к жизни.

— Ежели что, так звоните. Я тут много чудесных мест знаю, — заверил её таксист, благодарно принимая три бирюзовые бумажки и убирая их в нагрудный карман клетчатой рубахи.

Линка вылезла с заднего сидения усталая, при этом умиротворённая, когда уже густые сумерки спустились над черноморским побережьем. И даже привычная суeta бесновавшейся под «Малиновую Ладу» толпы постояльцев отеля «У Розы» не возмутила её спокойствия.

Задержавшись у киоска, принадлежавшего хозяевам отеля, купила воду без газа. Отвинчивая на ходу крышку, прошла сквозь кованые ворота, оказавшись на танцплощадке отеля, уставленной столиками. У самой столовой в полутьме с мерцающими фонарями за сдвинутыми столами сидели мужчины, пахло жареным мясом, пыхал жаром покрытый сажей мангал. Мужчины смеялись, а громче всех хозяин — высокий тучный пожилой дядя Володя в широких штанах и белой рубахе на выпуск во главе стола. Один из них, ещё молодой, но уже лысый и необъятный, с голым оплывшим торсом и удлинённых шортах, стоял к ней спиной, держа руки в боки, активно участвуя в беседе компании и карауля кого-то из барахтавшихся в бассейне детей.

Пытаясь избежать брызг из бассейна, Линка попыталась быстро проскочить между мужчиной и крайним стулом. И именно в этот момент пузану приспичило податься в сторону, так что Линка отскочила и, как на грех, натолкнулась на сидящего спиной человека, с ужасом почувствовав, как вода из бутылки выплеснулась на бедолагу.

— Ой, извините! — пискнула она, съёжившись от неловкости.

А он вскочил, смахивая воду с шеи, и вдруг усмехнулся широкой наглой улыбкой.

— О! Акулина? Привет!

Линка отпрянула так, словно это её окатили, да не просто водой, а кипятком, увидев ночного Бога! И в миг всё пережитое накануне придавило её стыдом и смущением, отчего Линка попятилась назад, ощутив, как вспотели подмышки, надеясь смыться. Но ночной Бог ловко поймал её за руку и сказал:

— Так ты здесь остановилась? Ну, надо же! А я уж думал, что твоя кофточка останется мне, на память, — и он подался немного назад, а потом протянул ей прозрачный пакет, сквозь который Линка признала свой потерянный шёлковый топ. Вот кретинка!

— Спасибо, — проямлила она, мельком взглянув на него, и снова почувствовала жгучий укол совести. Он был так молод! На вид точно немногим старше её Пети. Боже мой!

«Боже мой!» — что-то неприлично зазвенело внизу живота.

В это время очень в тему завопила Натали «О, боже, какой мужчина», и мужики, что сидели тут же, принялись хлопать в ладоши, а кто-то пустился в пляс. И дядя Володя поднялся, танцуя на ходу, и вдруг обнял ночного Бога, и потрепал его по голове, словно он был маленький мальчик. Кто-то сделал музыку громче, потому что Натали, ей-богу, вопила, как течная кошка, и Линка уже ничего не слышала, а только смотрела в темноте на него, а он, продолжая держать её за руку, что-то говорил, пытаясь перекричать музыку.

Она покачала головой, пожала плечами, пытаясь освободить руку, а он, плюнув, потащил её прочь, в сторону ворот, на улицу, за пределы отеля. Она только благодарила небо за то, что догадалась надеть простые кеды для прогулки в ущелье, и теперь лишь благодаря им ещё могла стоять на ногах, которые почему-то начали дрожать.

— Я говорю, — начал он, уводя её всё дальше и дальше вдоль улицы, где толпами ходили полуголые отдыхающие, — что хотел тебе устроить морскую рыбалку. А ты сбежала. Испугалась? — и он, наконец, остановился у кованого забора соседнего отеля и в упор посмотрел на неё.

Она с трудом подняла к нему глаза, чувствуя, как ей не хватает воздуха. Здесь светили фонари, а рядом из вазонов тянулись колонновидные розы, и вблизи с их чудесными нежно-розовыми бутонами лицо его казалось совсем юным и божественным, как на ренессансных полотнах, так что у Линки, с одной стороны, перехватило дух, а с другой, что-то тоскливо сжалось от внутреннего протеста.

— Простите, я толком не помню, что вчера было. Не знаю, как оказалась у вас... простите за неудобства. Вообще-то это не в моих правилах... — Чёрт! Она мямлила, как какая-то тургеневская девушка! И пытаясь увернуться, Линка добавила: — Спасибо за топ. Я пойду...

Но он не дал ей уйти, а неожиданно прижал к забору, нависнув сверху, и взял за голый локоть.

— «Вы»? Не понял, что за «вы»? Вчера же было бомбезно! — она только видела, как в полумраке он расплылся в улыбке, не спуская с неё глаз. — Похоже, кто-то вчера хорошенько оторвался? Тебе стыдно? Правда? Ну, да, конечно! Твои тухлые чиновницы-коллеги точно тебя осудят! — и он весело рассмеялся, заметив, как она вспыхнула, нахмурилась, возмущённо открыла рот, сообразив, что вчера явно наговорила лишнего. — Что не помнишь? Ты вчера мне рассказывала про свою работу, про то, как тебя все достали, как бы тебе хотелось открыть маленькую кондитерскую и просто дарить людям радость. Правда, не помнишь? А зря! Было прикольно. Жаль только быстро вырубилась, и мне пришлось увезти тебя к себе. Не мог же я хорошую девочку бросить одну! Ну, правда, скажи, что было классно?

«Девочку?»

У Линки перехватило дыхание от этой внезапной близости и жара, который исходил от его молодого крепкого тела. Стоя под ним, прижимаясь к холодным прутьям забора, она думала о том, что её лет сто никто не зажимал в темноте! Быть может, он тоже пьян и не видит, что она совсем не девочка? И когда это она успела ему проболтаться про кондитерскую? Хоть убей, не помнила! Это всё или она ещё что-то выдала ему? А внутри неё всё затаилось и замерло, боясь

выпустить наружу что-то дикое. И только беспомощно смотрела на него и, пытаясь справиться с собой, промямлила:

— Да, спасибо... Но... я должна идти. Понимаете?

— Зачем? — и он прижался лбом к её лбу, так что Линка затылком уперлась в прут, а губами и кончиком носа коснулась его гладкого тёплого лица, отчего запылала, не в силах пошевелиться. — Жизнь так коротка. А лето — ещё короче... А ночь — ещё короче... — его губы коснулись её щеки, и Линка только слабо дёрнулась, пытаясь отстраниться, и из последних сил, больше ради очистки собственной совести прошептала:

— Послушай, ты совсем молод... Я так не могу...

С этими словами он сильнее прижал её к прутьям. В темноте снова блеснули его глаза, глядевшие прямо и нагло, и вдруг пальцами взял её нижнюю губу и слегка сжал, тяжело дыша ей в лицо.

— Врёшь! Можешь и хочешь... И я хочу... — и прежде, чем она успела оскорбиться, возмутиться, толкнуть его, он принялся целовать её губы, настойчиво запуская язык в глубину её рта.

Поцелуй...

Теперь, когда она не была пьяна, а целовала его на трезвую голову, это вызывало совсем другие, невыразимые эмоции. Она была обезоружена его наглостью, запахом его тела, который был столь ощутим сквозь лёгкую расстёгнутую рубашку, что ей захотелось умереть в руках этого молодого самца, шарившего по её льняному платью, подбираясь к груди и ягодицам. О, умереть было бы самым разумным решением! Чтобы прозрение и здравый смысл не настигли её после...

Она и забыла, каково это... Они с мужем давно не целовались. Чмоки при встрече и на прощанье не в счёт. А вот так, по-настоящему, рот в рот, касаясь языками, покусывая мягкие расплывшиеся от желания губы — это осталось в прошлом. И вдруг...

Мимо с моря плелись усталые отдыхающие и, наверняка, возмущённо отворачивались, заметив под фонарями гостевого дома целующуюся парочку. И даже осознание того, что среди них могли быть свои, зареченские, теперь потеряло всякую значимость. Она не слышала больше ни вопящей Натали, ни ржущих мужиков, ни их истеричных жён, — только стук своего сердца и его тяжёлое прерывистое дыхание, которое ей красноречивее всего говорило, что её хотят. Это ощущение пьянило, выпуская наружу дремавшие желания, которые она так долго душила и прятала в себе. И когда он попытался задрать её платье, сильнее стискивая её мягкие ягодицы, она вскинула к нему глаза и, решившись, потащила его через улицу к дальним воротам, мимо площадки с неработающим фонтаном, в номер...

В тусклом свете ночника ей хотелось видеть его. Крепкое загорелое тело с упругими мышцами, сплетавшимися в безукоризненный узор на сильных руках и груди, казались созданием искусного мастера. А сам он, словно Аполлон, нависнув над ней, тяжело и царственно дышал ей в лицо, освобождая от одежды, готовый открыть для неё тайны, ведомые только богам. И словно бы она, правда, неожиданно стала частью древнего мифа, где он — прекрасный Бог, а она — простая смертная. И робея перед его силой и энергией, которой невозможно противостоять земной женщине, она была не в силах смотреть ему в глаза, стесняясь своего тела, которое рядом с ним казалось далеко не таким молодым и божественным, и то и дело пыталась втянуть животик и спрятать целлюлитные ляжки. Но он, Бог, словно упивался её несовершенством. Он гладил её ноги, стоя на коленях на широкой во всю стену кровати, потом нырнул лицом к её животу. Линка оцепенела, несмело схватилась за его плечи, слабо пытаясь протестовать. А он лишь накрыл её груди ладонями, стиснул их, целуя в пупок. Она усиленно давила в себе стоны, стыдясь того, как ей этого хотелось. Гладила дрожащими пальцами его жесткие тёмные волосы и тянула к губам его тёплые пальцы. Они были солёные. Гладкие. Горячие.

Как и его губы... И вскоре ночь раскрыла свои объятия, тьма стёрла границы, и, закрыв глаза, она позволила себе снять все запреты...

Она затихла, усталая, пылающая, насквозь пропитанная терпким мужским потом. Губы горели. Внутренняя часть бёдер ныла от напряжения и всё ещё дрожала. В самом низу впервые за долгое время установилось сладкое умиротворение, нирвана, когда все желания утолены, и уже не хотелось.

Сквозь дрему она слышала, как он голый ходил по комнате, вроде открыл холодильник и с шумом его закрыл, буркнув:

— Вот жлоб! — и у неё совсем не было сил, чтобы уточнить, что он имеет в виду.

А потом как будто стало тихо. И с трудом приоткрыв глаза, Линка поняла, что он ушёл. И, повернувшись на живот, уснула.

5.

Она лежала голая на кровати и тупо смотрела на телефон, который лежал тут же и отсутствием уведомлений о пропущенных звонках вызывал разные мысли и чувства. Муж не позвонил вчера. И это вызывало облегчение: не придётся оправдываться. В то же время порождало раздражение и тихое злорадство. Опять же до нового звонка у неё была возможность обдумать, как себя теперь вести. Надо было успокоиться.

Нервный смехок вырвался из груди.

Успокоиться?! Ты серьёзно? У тебя сегодня ночью был сумасшедший секс! Алё! И это был совсем не муж!

Она перевернулась на спину и закрыла глаза. Сумасшедшие картинки вспыхивали в голове, вызывая экстаз. Она физически ощущала, как вся ещё пахла иначе. И не спешила в душ, а купалась в запахах душевой комнаты, где этой ночью она будто снова потеряла невинность: снова эта тревожность, опасение, что об этом станет известно, и в то же время безудержный восторг, вспыхивавший воспоминаниями и отдававшийся вполне осязаемым физическим блаженством где-то глубоко в животе и чуть ниже, там, где снова всё оживало, звенело, стоило вспомнить...

А муж?

Чёрт...

От этого хотелось съёжиться, спрятаться под одеяло, не высовываться, и уж тем более не видеть своё подлое отражение в зеркале. Какая же ты дрянь...

Когда всё-таки заставила себя принять душ, долго стояла, упершись руками в стенки кабины под сильной струёй тёплой воды, в раздумьях.

В конце концов, повторения точно не будет. Линка была уверена, что ночной Бог Эдуард Б. также стремительно исчез из её жизни, как и появился. Это было совместное помешательство, так, на одну ночь. А стало быть, ничего особенного не произошло. Через недельку она и сама будет вспоминать этот эпизод, как свою сексуальную фантазию, не больше. Вряд ли в течение этих несколько дней они ещё увидятся. Оно и лучше.

Так можно вернуться к нормальной жизни практически безболезненно. Если посмотреть на это по-другому, то произошедшее можно сравнить с дорожкой СПА-процедурой. Ей нужна была такая процедура. Она позволила ей снова почувствовать себя молодой, сексуальной, привлекательной. Разве это плохо?

«Вообще-то, это называется измена», — вновь заудело в висках.

— Вообще-то на курортах тысячи отдыхающих заводят кратковременные интрижки. Все об этом знают. А если Гриша никогда об этом не думал, так это только его проблемы. Не хрен меня оставлять одну! — говорила вслух внутренняя стерва, пока Линка накручивала на волосы полотенце и прохаживалась вдоль кровати в домашнем халате и меховых розовых тапочках, то и дело бросая взгляд на кричащую улику — скомканную вторую наволочку на полу. И сглатывала, отворачиваясь, бубня себе под нос: — Ещё вопрос, почему он так во мне уверен. Может,

это всего лишь значит, что ему пофиг на меня? Или он настолько уверен в себе? Ха! Теперь с этим я бы точно поспорила. В конце концов, — заключила она, натягивая шорты и шёлковый топ, — никакой катастрофы не произошло. Я просто...

Зазвонил телефон, и на том конце раздался весёлый голос Павлика, младшего сына:

— Мам, привет! Как у тебя дела?

Линка аж присела, почувствовав, как ноги подкосились. Вот ты дрянь!

— Привет, сына, — отозвалась она — и вся встрепенулась. — Привет, мышонок! Я нормально.купаюсь, загораю, наслаждаюсь морем. У тебя как дела? Как твой отряд?

— О, мам, всё супер! Мы в рамках альтернативной целины ходили убираться в зоопарк. Прикинь, я чистил клетку тигра!

— Как тигра? Ты с ума сошёл?! — Линка даже вскочила. — Милый, я прошу тебя, умоляю...

— Да, мам, ты чё? Его закрыли, конечно! — и звук сыновьего смеха даже пробил её на слезу.

— Господи, как ты меня напугал! — Линка снова села.

Сын опять расхохотался.

— Мам, ты когда приедешь?

— Через пять дней. Девятнадцатого.

— Вот блин!

— А что? Что-то случилось?

— Да так... Просто мы с ребятами хотели рвануть на недельку под Малиновку. Покупаться, песни отрядные попеть. И уехать хотели как раз девятнадцатого.

— Так езжай, Паша. Молодость так быстро проходит!

— Точно? — было слышно, как сын и обрадовался, и сомневается. — А ты не обидишься, ну, что я тебя не встречу? И я так соскучился!

— Правда? — у Линки приятно защемило в сердце. — Я тоже, малыш. Но ведь так и лето пройдёт, опять университет, будешь потом жалеть.

— Мам, ты лучшая! Я обещаю, что не задержусь, через неделю приеду. И мы обязательно куда-то вместе сходим, правда?

— Конечно. Обязательно. Тебе в дорогу денег надо?

— Ну, да. Я бы не отказался от пары косарей. Продуктов там купить и всё такое. Кстати, я папе ещё не говорил. Думал, вдруг ты будешь против. Как думаешь, он не будет ворчать? Ну, что я ему с домом не помогаю...

Упоминание о муже больно кольнуло угрызением совести. Линка даже почувствовала, как мурашки забегали по затылку. А вслух сказала:

— У тебя есть эти пять дней, чтобы быть ему полезным. Так что давай, прояви сыновний долг. А денег я тебе переведу, не переживай.

— Хорошо, мам. Люблю тебя!

— И я тебя, мышонок.

— Ну, пока...

— Пока, дорогой.

Когда погас телефон, Линка долго ещё сидела на краю кровати, испытывая скверные чувства. Да, мужа, быть может, даже хотелось проучить. Но её мальчики! Чёрт, даже страшно было им показаться на глаза, почувствовав вдруг, что этой ночью она стала чужой, наполнившейся другим мужчиной, которому она позволила слишком многое.

«Стоп! Вообще-то дети выросли. Они взрослые, Петя сам зарабатывает. И Павлик совсем большой. Ты все годы была хорошей матерью, была с ними в те минуты, когда им было плохо или страшно. Так что этот странный эпизод в жизни не может разрушить вашу связь. Это просто станет твоей малюсенькой тайной. Должны же быть у женщины тайны? Двадцать с лишним

лет у тебя не было тайн! Ты вся была лишь частью мужа и детей, обеспечивая им уютную и комфортную жизнь, забыв про себя. Разве кому-то будет плохо, если в твоей жизни вдруг окажется крошечный секретик, яркий, волнующий, захватывающий, которым ты иногда втихаря сможешь тешить свою женственность?»

И пытаясь себя оправдать, Линка сошлась на том, что эта сумасшедшая ночь была даже полезна. Ну, во-первых, она выплеснула, наконец, всю ту дьявольскую энергию, которая так съедала её изнутри практически все дни подряд, пока она ещё злилась на мужа. Какая, блин, тарзанка?! Это было намного круче, грех не признать!

Во-вторых, то и дело теперь бросая на себя взгляд в зеркало, она постоянно ловила себя на мысли, что всё-таки в ней что-то есть, коли такой красавчик обратил на неё внимание. Осознание собственной привлекательности невероятно придавало сил и уверенности. И, кстати, эта внутренняя брызга, от которой Линка уже и сама начала уставать, наконец, заткнулась и явно где-то дремала, свернувшись калачиком. Утро обещало быть насыщенным в первую очередь тем, что у Линки словно открылись глаза. Жизнь прекрасна!

И вскоре она убедила себя в том, что душой и сердцем любила только мужа, а то, что произошло — всего лишь физиологическая потребность, которую только с большой натяжкой можно назвать изменой. И да! Теперь ей даже хотелось быть по-настоящему идеальной женой. Эта ночь в объятиях другого мужчины реабилитировала мужа в её глазах. Теперь они как бы были квиты. Она простила ему все прежние обиды, чувствуя себя молодой и полной сил.

Взмахнув копной пахнущих миндалевым маслом волос, Линка стянула их в высокий хвост. А потом, поразмыслив, сменила свой тёмно-синий шёлковый топ, слишком гладкий и тонкий, сквозь который ясно угадывались её располневшие груди, на самую простую объёмную футболку, надеясь, что так никому и в голову не взбредёт подумать, на что она оказалась способна.

6.

Однако стоило выйти из номера, как страх разоблачения, кажется, побрёл за ней по пятам. Проходя мимо соседей по этажу, которые разговаривали на лестничном марше, Линке показалось, что они как-то подозрительно замолчали, кивнув ей в знак приветствия. И Линка быстрее сбегала вниз, думая над тем, что, вообще-то, люди из смежных с ней комнат могли вчера слышать, как она кричала и ойкала. Пипец!

Выскочив на площадку перед фонтаном, она невольно присушивалась к мужским головам, раздававшимся откуда-то сверху, и каждый раз, когда кто-то начинал хохотать, ей казалось, что непременно обсуждают её. Эта мнительность начала бесить. Поправив сумку, Линка быстро прошла в сторону столовки, надеясь на скоро позавтракать и свалить на море. Там, на гальке, затерявшись среди куковавших отдыхающих, можно было надвинуть на пылавшее стыдом лицо соломенную шляпу и просто забыть обо всём.

— Привет!

Её пробило током. Линка вздрогнула, замерла, ошарашенно поискала глазами, не чувствуя ног.

— Эй, я тут! Привет!

Она подняла глаза кверху и, как школьница, покраснела, увидев на широком балконе второго этажа хозяйского дома, где и размещалась столовка, Эдуарда. Всё бы ничего, но он широко ей улыбался, стоя без стыда в одних боксерах, и парил, держа ногу на балконной ограде. О, улыбка эта была кричащей и наглой! Значила она только одно: дала! И снова буря непонятных чувств захлестнула её — это была и досада, и стыд, и дикое волнение вперемежку с восторгом, и страх показать это всё ему. Ну, нет! Линка даже зажмурилась, запрещая себе смотреть на него голого, и промямлила:

— Доброе утро, — и рванула прочь из отеля, не чувствуя ног, в сторону моря. Щёки её горели. Страшно хотелось пить. Совсем не хотелось есть. А ещё...

Может, стоит рассмотреть вариант смены жилья? Пожалуй, неплохо было бы поселиться где-то на остаток дней, чтобы точно больше не встречаться. Иначе, она это чувствовала, её маленький грешок превратится в огромный ГРЕХ!

Но разве ей вернут стоимость этих дней? Чёрт! Это двадцать с лишним тысяч! Пожалуй, на такое расточительство Линка не была готова. Это уже слишком! В конце концов, заключила она, мало ли что он делает на территории отеля. Может, он тут подрабатывает? Кафешка, похоже, тоже принадлежит Володе и Розе. Просто стоит заходить с другой стороны. И в кафешку нос не показывать. И вообще, с чего она взяла, что ему что-то от неё надо? Подумаешь, поздоровался! Всё, что хотел, он уже получил. Нужны ему сто раз какие-то отношения со взрослой тёткой!

Эта последняя мысль показалась ей вполне правдоподобной. И Линка немного успокоилась. И сразу почувствовала, как живот свело от голода. Вообще-то, в последний раз она ела только чебурек с морсом в какой-то кафешке по дороге из ущелья. И теперь после ночного бешеного выброса энергии ей жутко захотелось подкрепиться.

Не доходя до моря, на углу узкой улочки, что, извиваясь и зеленея плетями винограда, спускалась к железнодорожному мосту и вела на пляж, Линка зашла в кафешку. Всего восемь столиков и уютный интерьер, окутанный запахами еды, обещали вкусный завтрак. Расположившись в углу, желая спрятаться за выющим виноградом от тех, кто шёл по улице, Линка сняла шляпу, принимая папку меню из рук черноглазого юноши в длинном белом фартуке. А он спросил:

— Женщина, у вас будет карта или наличные? У нас с утра терминал плохо работает...

— Могу наличкой, — пробормотала Линка, пунцово краснея.

Почему-то от этого обращения её передёрнуло сильнее обычного. И Линка вся сникла, почувствовав себя стареющей б*****, позарившейся на святое — юность. От этих мыслей захотелось обратно нахлобучить шляпу, сильнее скрываясь от всех за соломенными полями в ожидании заказа.

Добравшись до моря, разглядывая сотни развалившихся под солнцем полуголых женщин, блестящих потом и каплями воды мужчин, толстых бабулек, сморщенных дедулек, галдящих детей всех возрастов, тявкающих собак, то и дело прыгавших в море, она поняла, что сильно переоценила свой уровень социализации. Отбросив идею затеряться где-то между ними, Линка украдкой бросила взгляд на кафе «У моря», и выдохнула. В утренний час оно не работало, а это значило, что можно было спокойно пробраться в западную часть, к огромным валунам, и скрыться от всех.

Тут и, правда, ещё никого не было. Между камнями была лишь небольшая часть суши с мелкой галькой, где можно было расстелить покрывало и просто позагорать. Напялив аквашуты, Линка, держа за шнурки кеды, полезла по камням. И невольно думала о той парочке, которая позапрошлой ночью продиралась здесь в темноте. Как они себе ноги не сломали? Кажется, после такого экстрима уже точно не до секса...

Стоп! Прекрати! Хватит уже!

— Хватит! — Линка сердито скинула на гальку сумку и закатила глаза к небу.

Потом стянула шорты и поползла сквозь камни в море, желая охладиться.

Оно искрилось и слепило миллионами бликов. А солнце, несмотря на утро, уже изрядно припекало, так что Линка побоялась снимать футболку и шляпу, боясь обгореть. Холодная с непривычки вода бесновалась, пенилась, билась о камни, берег, о Линкины ноги, почти сбивая с ног. Но отрезвляла, бодрила, заставляла сопротивляться и стоять на своём. Однако Линка побоялась плыть. Волны были мощными, а дно — непредсказуемо каменистым. А потому она нашла прекрасный выход — расстелила покрывало прямо у воды и села так, что вся нижняя часть до попы периодически оказывалась в воде. Отличная идея — купаться сидя! Потом

она развернулась, легла на живот, достала заброшенного было Гарсиа Маркеса и попыталась забыться в его столетнем одиночестве.

К полудню солнце вошло в зенит и раскалилось добела. Огромные валуны внизу ещё хранили лёгкую тень, а их верхушки были сухи и горячи, хоть яйца жарь. Когда стало совсем невтерпёж, и кожа спины, кажется, уже начала подгорать, прикипая к футболке, Линка всё-таки решила и, откинув ногой мокрое и всё в мелком соре покрывало в сторону, вошла в воду, чтобы сделать хоть пару гребков прямо так в одежде. Волны были тяжелы, огромны, так что Линка опасалась всерьёз наглотаться воды. А потому, совершив этот странный обряд, который со стороны явно напоминал лягушачье барахтанье, она попятилась к берегу. И порадовалась, что под палящим солнцем мокрой с головы до ног даже стало ненадолго прохладно.

Прошмыгнув сквозь поток плетущихся к морю людей, Линка быстро обогнула кабинку для переодевания, надеясь улизнуть и не быть замеченной из кафе. И когда оказалась в гулком пространстве под железнодорожным мостом, с облегчением выдохнула. Теперь можно было снова пообедать в той же кафешке, а потом, — это она точно решила, — зависнуть с книжкой в номере на пару дней. От греха подальше!

7.

На территории отеля было подозрительно тихо и малоллюдно. Лишь несколько мамаш лежали на шезлонгах в тени навеса, а их цыплята плескались в детском бассейне.

У столовки и вовсе было странное затишье, и Линка не сразу поняла, взглянув на часы на телефоне, что обед давно закончился.

Надеясь быстро проскользнуть к себе незамеченной, она пересекла площадку, свернула направо, мимо прачечной и качели, где они ещё недавно висели с Танькой и Саньком. И бросив на неё взгляд, Линка вздрогнула — на ней как будто дремал Эдуард в одних песочного цвета бриджах, ногой монотонно подталкивая громоздкую качель.

— Чёрт! — вырвалось у неё, и Линка уже хотела дать дёру, но он её заметил и вскочил.

— Стой! Стой! — со смехом негромко, явно не желая, чтобы их услышали, говорил он, в миг оказавшись рядом, хватая её за талию. — Сбежать хотела? Снова? Не пущу!

— Пusti! Я спешу! Мне надо идти! — Линка пыталась отстраниться, ещё надеясь убежать, чувствуя, как внутри вновь всё зазвенело, закипая, и только в отчаянии воскликнула: — Слушай, я вообще-то замужем! И сегодня уезжаю. Надо всё забыть, слышишь? — и она очень многозначительно посмотрела ему в глаза, упираясь руками в его голую мускулистую грудь.

Но парня её слова нисколько не остановили. Напротив, он ещё сильнее обнял её за мокрую футболку и прижался прохладной щекой к её щеке, прошептав:

— Я вообще-то знаю, что ты замужем. И что у тебя двое сыновей. Ну, и что?

— Что? Откуда? Что значит «ну, и что»?! — она возмущённо уставилась на него, пытаясь отстраниться.

— Я видел твои документы на заселение. И знаю, что уезжаешь ты только девятнадцатого. Попалась? — и он рассмеялся, сильнее притягивая её к себе.

— Мои документы? Ты охренел? Кто позволил?! — Линка толкнула его в грудь. На мгновение ей показалось, что он точно маньяк, раз добрался до её документов и преследует!

— А что такого? Это — отель моего отца, мне не составило большого труда попасть в кабинет, — усмехнулся он, не выпуская её и увлекая подальше под тень навеса.

— Что?! — Линка прищурилась, чувствуя, что её жёстко разводят. — Брось мне голову морочить! Ты работаешь официантом. И та яхта! Ты же сказал, что ты там живёшь!

— Ну, — начал он, подбираясь к высокой лестнице, которая вела к какому-то ещё неизвестному корпусу, продолжая удерживать её руками, — мы здесь все на него работаем. И, кстати, говори тише, не хочу, чтобы он видел, что я опять забиваю. А живу я там, где мне удобно. Вот увидел тебя, и пришлось здесь тебя караулить. Попалась? — и он снова тихо рассмеялся, утягивая её за собой по крутой лестнице в три пролёта всё выше и выше.

— Куда ты меня тащишь? — Линка отчаянно боялась навернуться с такой высоты, беспомощно оглядываясь, почему-то вдруг испытыв панический страх, что их могут застигнуть его родители, представив на миг, как бы она себя повела, узнав, что какая-то не первой свежести дамочка крутит с её сыночком.

— Хочу что-то показать, не бойся, — он, наконец, взял её за руку, перестав обнимать, и принялся взбираться вверх по крутой лестнице, делая шаги в две ступеньки.

Наконец, они оказались на самом верху трёхэтажного корпуса, остеклённого с обеих сторон огромными конструкциями в пол. Линка до этого всё гадала, что это был за корпус, и только сейчас до неё дошло — это была огромная сушильная для постельного белья постельных цехов. На всех трёх этажах тянулись ряды верёвок, на которых словно паруса, висели простыни и пододеяльники, наволочки и полотенца разных оттенков. На самом верху, на третьем этаже со всех сторон светило солнце, в том числе из мансардных окон, и помещение, огромное, будто бесконечное за счёт протянутых рядов белья, казалось светящимся, воздушным, горячим.

— Жарко! — прошептала Линка и нырнула вслед за ним сквозь один ряд белья, потом второй, третий, четвёртый. Он тащил её за собой, и ей приходилось нагибаться под простынями и пододеяльниками, отчаянно стараясь не оступиться.

Наконец, он с силой притянул её к себе, прижав спиной к раскалённому стеклопакету в огромной коричневой пластиковой раме. И сам стал так близко, что у неё опять всё заскулило где-то внизу.

— Ага, жарко, — прошептал он, удерживая её за плечи одной рукой, а второй вдруг задрал ещё влажную футболку и стянул мокрые поролоновые треугольники купальника, высовывая её влажную грудь. Она мгновенно покрылась мурашками, а тёмные соски заострились, набухли, так что Линке стало неловко, особенно такого яркого дневного света.

— Прекрати...

Но он уже уткнулся лицом во впадину между её грудями и прошептал:

— Какая ты мягкая, беленькая, даже купаешься в футболке, и так пахнешь!.. Кажется, это миндаль...

Линка закатила глаза, теряя голову, когда его язык и губы принялись хватать её соски, по очереди, иногда покусывая, и чувствовала дикую беспомощность перед его напором, понимая, что ещё чуть-чуть, и ей уже не справиться с собой. А потому, почти из последних сил, пробормотала:

— Слушай, я вообще-то намного старше тебя. Ты бы нашёл себе молодую какую-нибудь. А мне совсем не нужны эти проблемы, понимаешь?

— Понимаю, — отозвался он и со смехом одним движением развернул её к себе спиной и стащил с неё шорты вместе с купальными плавками, прижав Линку к горячему стеклу.

— Ты с ума сошёл? Отпусти меня! — вскрикнула она приглушённо, боясь, что их могут увидеть или услышать, и лишь беспомощно пыталась поймать его взгляд, вертя головой из стороны в сторону, стоя, как дура, голая, вжавшись в стекло.

— Отпустить? Ну, иди! — прошептал он, перестав её удерживать, а оперся обеими руками в стекло, прижимая Линку горячим животом, целуя её в шею. — Всё ещё хочешь уйти? Ну, скажи, я отпущу. Скажи...

— Нас могут увидеть...

— Ну и что? Кто снизу разберёт, что это мы?

— Ты ненормальный!

— А ты — нормальная?

— Я? — Линка закрыла глаза, понимая, что и, правда, видимо, была ненормальной, раз допустила это, и прижалась лбом к раскалённому стеклу.

— Значит, у тебя два сына? — горячим дыханием шепнул он, кусая её ухо.

— Да...

— Как ты их называешь?

— Зачем это?..

— Ну, как?..

— Мальчики... Мышата... — с трудом соображая, отозвалась Линка.

— Мышата? О, здесь тоже так детей называют!.. А я похож на мышонка? Будешь так меня называть?

Линка слабо покачала головой.

— Нет?.. Почему? А как? Как-то же ты меня называешь сама с собой. Как?

— Ночной Бог, — выдохнула она, с трудом удерживая себя на ногах, цепляясь за него.

— О, Ночной Бог? Круто!.. Мне нравится! — воскликнул он, двигаясь так яростно, что Линке казалось, что ещё чуть-чуть, и стеклопакет лопнет, и они вместе рухнут с третьего этажа. И уже ничто их не спасёт.

Но стекло выдержало, отражая солнце, заливая светом всё кругом.

Разгорячённая, как будто немного пьяная от жары и нового всплеска эндорфина Линка присела на выпиравшую раму, оправляя купальник и футболку, застегивая шорты, не в силах стоять на дрожащих от напряжения ногах. И наблюдала, как он кончил в первую попавшуюся простынь. И поймав её осуждающий взгляд, только усмехнулся, застёгивая бриджи.

— Ненормальный, — повторила она.

— Почему? Потому что делаю, что хочу? Что в этом плохого? — он стоял совсем близко, феерично красивый, блестящий от жары, весёлый и лёгкий, будто бог ветра, вцепившись в растянутую верёвку, раскинув руки в стороны, и слегка покачивался с бельём, отчего мускулы плавно передвигались на загорелом теле.

— Когда ты молод, наверное, ничего, — произнесла Линка, чувствуя усталость от борьбы с самой собой и происходящим наваждением, и поднялась. — Но у меня всё по-другому. У меня есть обязательства. Это не может продолжаться, пойми!

— Как это тупо тратить жизнь на обязательства, которые не делают тебя счастливей, — произнёс он, так и качаясь на верёвке. — Жизнь так коротка. Стоит ли она чего-то, если постоянно задвигать собственные желания?

Линка натянуто усмехнулась, оправляя волосы, и всё же бросила в свою защиту:

— Ты ничего не знаешь о моей жизни. Я вполне счастлива. Да, я поддаюсь тебе. Но это ничего не значит. У меня есть семья. Поверь, когда тебе за сорок, это уже намного важнее собственных желаний. Это нельзя перечеркнуть!

— Перечеркнуть? Зачем? Всё гораздо проще. Ты — здесь, и я — здесь. А семья — далеко. Всё классно!

— Классно? Чёрт, это совсем не классно! Это надо прекратить! Поиграли — и хватит!

— Прекратить? Ну, хочешь, давай прекратим. Какие проблемы? Только завтра!

— Что? — Линка непонимающе уставилась на него. — Почему завтра? Нет, надо сейчас! Послушай, я очень паршиво себя чувствую! Всё это неправильно. Никаких «завтра», слышишь?

— Завтра, потому что сегодня я хотел тебя пригласить на вечеринку. Одна единственная вечеринка. Ну, пожалуйста! — и он комично сложил руки на груди и сделал такие умоляющие глаза, что Линка, как ни пыталась, а не сдержалась и рассмеялась, прижимаясь к окну.

— И после ты оставишь меня в покое?

— Честное слово!

— И больше никакого секса!

— Э? Совсем? — точно обиженный мальчик протянул он, склонив голову, так и держа умоляюще руки.

— Совсем, — Линка подняла свою сумку, которая всё это время валялась на полу с выпавшим под сухое бельё Гарсиа Маркесом, и убедительно повторила: — Совсем-совсем!

8.

Чёрт! Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Линка сидела на краю кровати, обхватив голову руками, совершенно не зная, что теперь делать. И чувствовала, что сама накликала беду, когда там у моря и небес просила какой-то радости в жизни.

И вот тебе на! Приплыли! Воистину — бойся своих желаний!

Как вариант, можно было просто никуда не пойти. Запереться в номере, затаиться. Но, чёрт, судя по его настрою, такой номер мог обернуться только новыми проблемами.

С другой стороны, они ведь договорились: одна вечеринка и всё. Но можно ли было ему верить? Смешно сказать, но она, сорокалетняя женщина, вдруг чувствовала себя рядом с ним какой-то туповатой нимфеткой, которая не могла справиться перед выбросом его тестостерона.

Бред! Это какой-то бред! Она, взрослая женщина, не могла справиться с собой вблизи какого-то мальчишки?! Даже сейчас, запершись в номере, она каждым сантиметром своего тела ощущала его запах, тепло его кожи, вкус его губ, в ушах стоял его голос, отчего она с трудом соображала, будто под сильнодействующим препаратом. Она уже и забыла, как это бывает, когда в животе постоянно что-то подрагивает, напрягается, спускается ниже, туда, где всё набухает, наливается и просит, просит выхода. Чёрт, вот оно бешенство матки, не иначе!

— Надо с этим покончить! — с этими словами Линка вскочила и раскрыла двустворчатый шкаф, прикидывая, в чём бы пойти.

Сначала ей пришла идея надеть то льняное платье, как раз по возрасту, чтобы не сильно привлекать внимание. Но тут же отмела эту мысль, посчитав, что худший вариант тот, если её примут за его мать.

— Ну, уж нет! — сама себе бормотала Линка, доставая то самое платье с пайетками. На долю секунды зависла с ним перед зеркалом, ещё пытаясь разубедить себя, но в конце концов решилась.

Длинное платье стрейч с глубоким разрезом слева, сплошь расшитое пайетками-хамелеонами, переливалось от изумрудно-зелёного до насыщенно чёрного. Тонкие бретельки не подразумевали бюстгальтера, и Линка долго натягивала и поправляла упругий лиф, пытаясь максимально запрячь грудь. А ещё усиленно втягивала животик, который, к её досаде, если смотреть с боку, всё равно слегка выпирал. В конце концов плюнула и покосилась на прихваченные в отпуск в порыве злости на мужа чёрные босоножки на тонкой шпильке. По правде сказать, Линка в них лишь пару раз осмелилась пройти по гладкой плитке и расстеленным коврам во время губернаторских приёмов. И были серьёзные опасения, как она осилит на таких цирлах спуск со второго этажа, да ещё и вечернику!

Но, как говорится, вся наша жизнь — игра! Рядом с ним жутко не хотелось показаться мамашкой или замшелой тёткой. Играть так играть!

Окинув напоследок себя в зеркало, Линка ещё раз руками взбила волосы, пытаясь придать им естественный объём, поддёрнула лиф платья и, прихватив малюсенький клатч, вышла в коридор. И почему-то совсем не удивилась, заметив его возле лестницы. В полумраке коридора, где с опозданием датчик зажгёт тусклый точечный светильник, Эдуард быстро выпрямился и пошёл ей навстречу.

— Привет! — произнёс он и слегка присвистнул, оглядывая её с ног до головы. — Я уж думал, ты не выйдешь, а ты... Это всё ради меня? Я сражён! — и он быстрым движением коснулся губами её шеи, а потом, взяв под локоть, помог спуститься со второго этажа.

Линка растерялась, украдкой поглядывая на его лёгкие белые брюки с развязанным шнурком, отчего казалось, что они едва держались на подвижных бёдрах, белую рубашку-поло с чёрным принтом размытых листьев не то пальмы, не то конопли, слегка расстёгнутую сверху, и кожаные шлёпанцы на босу ногу. Похоже, намечалась пляжная вечеринка, а она-то, как дура, вырядилась в вечернее платье!

А вслух она спросила:

— Всё-таки, что за вечеринка?

— Так, день рождения, — отозвался он, подводя её к красной спортивной «Мазде».

— Чей? — она напряглась, замерла перед машиной, а он лишь широко улыбнулся.

— Моего отца.

— Что?! Отца? Ну, нет! Я не поеду! — Линка почувствовала, как всё внутри завопило, заметалось, запрыгало от испуга, а он только прижал её животом к машине и снова сложил руки на груди в умоляющем жесте, сделав лицо, ну, точь-в-точь, котяра!

— Ты обещала! Одна вечеринка — и всё! Эй, да не бойся! Будет весело. Садись!

— Ты чокнутый?! Я так не могу! Кем ты меня представишь? Чёрт! Да что же это такое?! Я не хочу! — она вопила, махала на него руками, пытаясь уйти, но он только раскинул руки в стороны, прижимая её телом к машине, и, посмеиваясь, говорил:

— Да брось! Обычная тусовка. Будет много тех, кого и я не знаю! Кому какое дело, с кем я приду? И потом, ты же хотела всё прекратить. Помнишь наш уговор? Поедешь — отстану. Не поедешь, я достану вторые ключи от твоего номера, и не вылезу из твоей кровати до девятнадцатого. Да-да! Ну? Решайся! Просто вечеринка. Повеселимся! Ну, же, Акулина! — он снова обхватил её руками, не обращая внимания на попытки вырваться, и только тихо посмеивался, не сводя с неё глаз.

— Чокнутый! — Линка упиралась в него локтями, не давая поцеловать себя, млея под мягкостью его рук и терпкого запаха парфюма, который так тонко и прицельно бил ей в нос, вызывая волнение, и с досадой отворачивала развратившееся лицо, стесняясь сновавших туда-сюда посторонних людей из отеля. И, наконец, сдалась под его напором, позволив ему открыть машину, и плюхнулась на переднее пассажирское сидение, сердито хлопнув дверью.

Он быстро обошёл «Мазду» и сел за руль, то и дело с улыбкой поглядывая на неё, а потом вдруг скользнул рукой по выглянувшей из разреза коленке и ещё шире улыбнулся, поймав Линкин взбешённый взгляд, и впился губами в её голое плечо.

— Ну, улыбнись, Акулина. Будет весело, обещаю!

— Катись ты! Ненормальный. Нашёл бы себе девчонку по возрасту и знакомил бы с родителями! Мне на кой чёрт твоя родня? — Линка нервно отдернула плечо и поправила платье.

— Девчонку? — произнёс он, выкручивая руль, выезжая на заполненную туристами дорогу. — Тебя, реально, так напрягает разница в возрасте? Ты комплексуешь? Или это какое-то ложное чувство вины? Ты, правда, думаешь, что, если бы я был твоего возраста, ты бы тогда гораздо меньше парилась из-за измены? — заметив, как она вспыхнула и отвернулась, он только нагло рассмеялся, сильнее давя на газ, отчего Линка вцепилась в ручку на потолке, боясь даже выглянуть из окна, где только извивалась серпантинная дорога. — Вот видишь, нет! Тогда причём тут возраст? Мне кажется, глубоко внутри тебя должно тешить злорадство: ты всё-таки наставила мужу рога! Ну, признайся! Дураку понятно, что у вас не клеится, раз ты отдыхаешь одна.

— Ты много на себя берёшь. Я не хочу с тобой это обсуждать, — отрезала Линка, отворачиваясь к окну.

— Окей, не будем! Хотя твоего скуфа мне совсем не жаль. Сам виноват! Ты улётная. Я считал, сколько раз ты со мной того. У меня так ещё не было. А у тебя? — и он снова, но уже тихо рассмеялся, заметив, как она покраснела и съёжилась, сдвигаясь к двери.

За окном жёлтыми лентами мелькали дорожные огни на фоне иссиня-чёрной мглы южной ночи. Линка вздрогнула, когда на всей скорости его тёплая ладонь снова коснулась её прохладной коленки.

— Ну, улыбнись, Акулина.

И в ответ только пробормотала:

— Не зови меня так. Дурацкое имя... Лучше Лина.

— Окей... Хотя мне нравится... Не, я буду звать тебя Акулёнок!

9.

Приближаясь к центру посёлка, где-то за Главной улицей, где «Мазда» нырнула в увитый разросшимися кустами закуток, сердце Линки медленно начало спускаться в самые ноги. Мысленно она себя уговаривала, рассматривая двухэтажное здание ресторана затейливой архитектуры, обшитое тёмно-охровым кирпичом и кое-где деревянными панелями, что это обычный семейный ужин, после которого, по уговору, они должны были расстаться. И украдкой наблюдая за Эдиком — чёрт, ну, и дурацкое же имя! — она искренне надеялась, что он сдержит слово.

Между тем из высоких затемнённых окон в пол, ламинированных под тёмный шоколад, виднелась симпатичная иллюминация из жёлтых круглых лампочек, и на улицу проникали приятные звуки музыки. Им пришлось немного покрутиться на широкой площадке, которая вся была уставлена тачками. И Линка смутно догадывалась, что всё это были гости вечеринки.

— Ну, идём? — Эдуард снова скользнул рукой по её выглянувшей коленке и широко улыбнулся. — Не бойся, здесь все свои. Это ресторан моих дяди и тёти. Отличные люди! Идём, повеселимся!

Линка покосилась на него, на ресторан — и бросила:

— У вас тут мафия, что ли?

Он только рассмеялся и вышел.

Стоило войти в парадные двери, как сразу несколько мужчин в солидных костюмах закричали в знак приветствия:

— Эдик! Эдик! Заходи, дорогой!

И Линка выдохнула, отметив, что в огромном зале, где был выставлен длинный стол, сплошь уставленный блюдами и напитками, на кожаных диванах и стульях, задрапированных роскошными чехлами, сидели гости, разодетые в пух и прах, и только Эдик выглядел не с руки, будто проходил мимо. Однако, к её удивлению, никто будто бы не заметил этого, да и он нисколько не был смущён, а широко и приветливо улыбался, размашисто обнимал подходивших к нему мужчин в дорогих костюмах, заигрывал с женщинами, отпуская шутки направо и налево, обнимая Линку левой рукой. И она была вынуждена поддержать эту странную игру: мило улыбалась, протягивала руку в знак приветствия, позволяла себя чмокнуть в щёку, раз десять попросила, чтобы её звали просто Лина. Эдик старался ей всех представить, даже объяснить степень родства каждого, и она искренне пыталась запомнить, задавая себе вопрос: зачем? И невольно замечала, что никому будто и, правда, не было до неё дела, лишь пару раз столкнулась глазами с двумя женщинами, разодетых, с салонными причёсками и многочисленными украшениями, которые явно что-то имели против, судя по их взглядам.

— Эдичка! Эдичка! — раздалось вдруг, и он резко обернулся, утягивая едва стоявшую на шпильках Линку навстречу невысокому старичку. Щуплый, но поджарый, с роскошными седыми усами и такой же седой головой, загорелый, будто он жил под открытым небом, старик светился, приближаясь. И, выпустив Линку, Эдик практически схватил его, крепко обнимая. Старик, расчувствовавшись, всё пытался его поцеловать, но сил и роста ему не доставало, а потому только хлопал по спине и приговаривал:

— Эдичка! Молодец, что приехал! Так рад тебя видеть, сынок!

Это были первые столь искренние объятия, и Линка даже отозвалась улыбкой, когда, обнимая старика, Эдуард взглянул на неё. Поймав её улыбку, он ещё пару раз чмокнул старика в седую голову, и сказал:

— Дядя Абиг, познакомься, это Лина. Она со мной.

Беря себя в руки, старик суетливо всплеснул руками, куда-то покосился, хихикнув, будто что-то знал, а потом пару раз совершенно некстати хлопнул в ладоши и, к Линкиному смущению,

нию, сделал галантный реверанс. Затем взяв её за руку, пару раз чмокнул, щекоча седыми, как у сома, усами, и воскликнул:

— Вай, вай, какая красавица!

Линка осматривалась в душном интерьере шоколадных и молочных оттенков, где на стенах, обшитых деревом и кое-где декоративным кирпичом, висели массивные канделябры со светильниками, стилизованными под свечи, а где-то картины, старинные часы, а между двумя центральными окнами — даже голова оленя с ветвистыми рогами. И слышала, как Эдик и дядя Абиг перекинулись парой фраз, но её слух уловил лишь:

— А что Гегамяна не будет?

— Надеюсь, нет, они где-то за границей...

В этот момент из дальнего коридора показались двое — дядя Володя и его тучная жена Роза с короткой химией на крашенных рыжих волосах. И Эдик вновь обнял Линку и, к удивлению, шепнул:

— О, шоу начинается. Отец и Рооооза!

— Роза? — Линка удивилась тому, как он назвал мать, на что он только усмехнулся и громко бросил родителям:

— Привет, папуля, мамуля! Ну, что? С днюхой? Заказал тебе шерстяные носки на Wildberries, но прости, не успели прийти! Видимо, на них особый спрос!

Линка видела, как отец сухо улыбнулся на эту странную шутку, идя немного впереди жены, кажется, всё в тех же широких штанах и белой рубашке, и все-таки пожал руку сыну.

Роза, которую Линка привыкла видеть то в прачечной, то в столовой, то вблизи уборных, то возле ресепшена в полосатой тунике и чёрных легинсах, где та, двигаясь немного вперевалочку, даже чуть волооча сильно отекавшие ноги, бдительно следила, чтобы всё было в порядке, командовала, даже иной раз покрикивала на нерасторопных сотрудников, теперь выглядела совсем иначе — в бордовом платье с люрексом, обвесившись золотыми украшениями, да подкрасив глаза и губы. На приветствие Эдика она едва кивнула, проходя к столу, даже не взглянув на Линку. И её почему-то это задело.

А Эдуард, как ни в чём ни бывало, похлопал отца по плечу и добавил, обращаясь к ней:

— Лина, мой отец, Владимир Иванович Бусалаев. Как ты тонко заметила, глава местной мафии, — и он весело рассмеялся, сильнее прижав к себе Линку, не сводя с отца глаз.

Дядя Володя (почему-то Линке так его привычнее было называть), явно был смущён таким приветствием, но только усмехнулся, взглянув на неё, и сказал:

— Это совсем не так, — и уже другим, громким, радушным голосом добавил: — Ну, садимся, садимся! Давайте уже начнём!

В этот момент со стороны кухни с огромным блюдом плова, над которым поднималось облако пара, вышла крошечная подвижная женщина преклонных лет в цветастом с оборками платье и аккуратно уложенными в бублик волосами с проседью, который поблёскивал в свете лампочек крошечными невидимками. Она улыбалась, ловко удерживая кухонными рукавицами блюдо, а два официанта шли рядом с двух сторон, будто для подстраховки с озадаченными лицами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.